

The book cover features a white background with a halftone dot pattern. Large, expressive red splatters and streaks are scattered across the surface. A prominent red rectangle is positioned in the upper-left to middle section, containing the author's name and the title. A silver coin is visible in the top-left corner, and a black marker lies horizontally across the middle. Another marker is positioned vertically on the right side. In the bottom-right corner, there is a circular icon with the text '16+'.

Максим Топoff

ДОМОЙ

Книга первая

16+

Максим Сергеевич Топов

Домой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470842

SelfPub; 2018

Аннотация

Я, поведавший вам эту историю, на данный момент пишу её, находясь в колонии строгого режима, осужденный к лишению свободы на 8 лет 6 месяцев...

Случалось ли вам когда-нибудь умирать?

Нет, умирать не в общепринятом смысле этого понятия, видя слёзы близких тебе людей, безудержное горе матери, страдания любимой женщины и медленно опускаемый в землю гроб с собственным телом, а умирать иначе – по-настоящему: быть проглоченным холодной пастью забвения, отброшенным волею расчётливой судьбы-интриганки на остров выживания, разрываемым изнутри демонами сомнений, душевных терзаний и неопределённости... Или же, оставаясь по эту сторону многомерности событий и пространства, уничтожить себя постоянно растущей потребностью ухода от реальности, растоптать своё настоящее и будущее тяжёлыми башмаками безразличия и опустошённости, безвозвратно опускаясь до уровня одноклеточного.

Всё это и многое другое пришлось испытать герою произведения, начавшему жить с определённого момента в двух параллельных измерениях.

Что заставляет одних людей упорно двигаться вперёд, а других сбиваться с Пути и плыть по течению безысходности? Существует ли универсальная прививка от лицемерия, беспринципности и порока, и есть ли в ней необходимость в жизни каждого человека? Где та грань дозволенного, переступив через которую человек автоматически лишается осознания первоначального пред-

назначения и запускает программу целенаправленного самоуничтожения во избежание заражения своим вирусом Операционной Системы Мироздания?

Вот извечные вопросы, ответы на которые пытаются найти герой романа на фоне бытийности сюжета, наполненного самоотверженной любовью, "мусорским" беспределом, наркотическими откровениями, музыкальными страстями, тюремными реалиями и многим другим...

Какая из реальностей окажется спасением для героя, а какая – гибелью?

Узнать об этом вы сможете прочитав роман «Домой». Не судите строго, Уважаемый Читатель, ибо это первый прозаический опыт автора, судьба которого тесно переплетается с судьбой героя произведения. Не исключено, что со временем некоторые эпизоды будут подвергнуты авторскому редактированию и корректировке. Почему "со временем", потому что я, поведавший вам эту историю, на данный момент пишу её, находясь в колонии строгого режима, осужденный к лишению свободы по статье 228.1 на 8 лет 6 месяцев.

Своё тридцатилетие я встретил здесь же в марте прошлого (2011) года, а на воле окажусь лишь в конце 2018 года (если не произойдёт какого-либо чуда типа амнистии, поправок или УДО).

Было бы очень любопытно услышать (т.е. прочи-

тать) отзывы по поводу этой части, которые вы можете отправить мне на E-mail: topoffff@gmail.com. Я же в свою очередь обязуюсь не разочаровать ваши ожидания в отношении опубликования продолжения романа, поскольку самобытность и не-тривиальность сюжета будоражит даже моё собственное воображение.

Итак, некоторые события и лица, описанные в данном произведении, не вымышленные, поэтому имеющиеся совпадения считать не случайными.

Посвящается Алёне

ДОМОЙ

Книга первая

Я поступил так, как подсказало мне моё сердце. Возможно, поначалу я даже сам не осознавал истинную причину принятого мной решения и сделанного шага, но внутренний голос настойчиво подсказывал мне, что так продолжаться больше не может. Внешнее и внутреннее – этот конфликт достиг своего апогея. Надо было что-то менять. Прекрасно предвидя все отрицательные моменты своего ухода, я решил перечеркнуть всё то, что целый год мне безапелляционно представлялось основным смыслом жизни.

Было, что терять. Во-первых, возможность заниматься любимым, но, к сожалению, опостылевшем в последнее вре-

мя, делом – музыкой (кстати, пропаже интереса к ней тоже предшествовало не мало драматических событий). Во-вторых, я автоматически лишился места, где мог бы, оставшись наедине с самим собой, привести (или хотя бы попробовать) исковерканные мысли в порядок или просто насладиться одиночеством. В-третьих, терял очень веское слово поддержки человека, чьё мнение и репутация *здесь* имели значительный вес. В-четвёртых, такая мелочь, как просмотр DVD-фильмов и прослушивание музыки в качественном звучании. В-пятых, отсутствие претензий со стороны администрации ИК по поводу не выхода на работу в «промку», хотя клуб я посещал совершенно по своей воле, не являясь работником администрации лагеря вовсе. В-шестых, в-седьмых, в-десятих...

Минусов хватало, и большинство из них упиралось во внешние, в материальные стороны существования: бытовуха, “нычка”, где можно было “загаситься” под предлогом реализации гениальных творческих планов и масса другой “шизы”, так гротескно культивируемой некоторыми индивидуумами.

Но были и плюсы. И для меня, осознавшего, наконец-то, что внешние преимущества по сравнению с внутренними самоощущениями – лишь пыль, чаша весов с надписью “Оставь” перевесила чашу с надписью “Останься”. Сердце безудержно рвалось из груди, душа рассыпалась вдребезги, с рассудком творилось что-то такое, что мозаика сознания

никак не соглашалась сложиться в какую бы то ни было логическую картинку. И, несмотря на это, я всё равно ликовал.

Произошёл какой-то необычайный прорыв в сознании, который указал мне на то, чего я по-настоящему хочу и что для меня истинно дорого. Целый год занятия тем, что не принесло ожидаемых плодов, почти безрезультатная затрата физических и моральных усилий и, наконец, признание собственной несостоятельности в определённой области заставили меня крепко призадуматься и принять, я верю, единственно верное решение. Прочь сомнения и терзания. Шаг на месте я приравниваю к шагу назад, а “маленькая смерть” и здоровая доза стресса в виде психологической встряски и смены обстановки всегда были стимулом для создания новых шедевров, новых открытий, преодоления новых рубежей.

Зато, какое умиротворение. Священная лень, растекающаяся от меня и заполняющая все зияющие поры бытия, самоудовлетворение от сброшенных оков ответственности и принудиловки, маленький островок свободы в океане всеобщего заточения... Бегство, слабость, трусость – скажете вы. Плевать! Я – такой, как есть, и подстраиваться под кого-то, пытаться всем угодить, продолжать притворяться слепым я не собираюсь. Я принимаю вас такими, какие вы – не идеальными, со всеми вашими тараканами, заморочками и амбициями. Хотя не редко терпение лопается и тогда... Перерождение – возражу я и оставлю вас копошиться в муравей-

нике иллюзорности и лжедостижений, доказывая существование иного Пути, в котором нет места безрассудному гневу, испепеляющей души гордыне, взаимным претензиям, патологическому самовозвышению и заурядному человеческому неуважению.

- 1 -

-...Стоять! Полиция!..

“Ого. Ещё этого не хватало”, – успело мелькнуть у меня в голове.

– Не двигаться! Всем оставаться на своих местах! – непрекращающиеся выкрики прорезали тепло июньского краснодарского вечера и становились всё громче.

“Неужели, это нам”, – вдруг дошло до меня. Я захотел оглянуться, но в следующую секунду сильный толчок в спину заставил меня больно удариться грудью о стоявший рядом с нами автомобиль.

А дальше всё как по сценарию, кому-то известному на личном опыте, кому-то из телесериалов: заламывание рук, защёлкивание “браслетов”, “бережное” укладывание лицом на землю.

Столкновение в наши дни с “мусорами” не в новинку для многих из нас, но менее неожиданным от этого оно не становится. С неохотой, но с кристальной ясностью начинаешь осознавать, что планы на вечер кардинально могут изме-

ниться. Ещё стопроцентно не зная, в чём тебя сейчас начнут обвинять, твой мозг лихорадочно шарит в поисках выхода из лабиринта минувших и предстоящих событий. Надежда на то, что просто обознались и “принимают кого-то не того”, слишком призрачна. А учитывая то, что за пять минут до этого, общался с наркоманом, который в твоём присутствии неоднократно варил и употреблял “ширку”, взаимосвязь этих событий становится невыносимо тесной. Хотя, может быть, действительно обознались и задержать собирались его. Наверняка, для этого нашлось бы немало поводов.

Связь между наркоманами и правонарушениями такая же очевидная, как между младенцами и памперсами: и наркоманы, и младенцы гадят, сами того не желая и особенно не осознавая. Но воображаемое зловоние и куча фекальных масс в виде проблем для себя и всех окружающих, создаваемых наркоманом, несоизмеримо огромнее натуральной младенческой “лепёшки”. Тут и воровство, и мошенничество, и грабежи, и разбои, и нелегальный бизнес, и контрабанда, и наркоторговля...

–Ну, наконец-то, взяли этого барыгу, – как обухом по голове возвращает в реальность фраза сотрудника в штатском, – добегался, ублюдок.

“А вот это уже напрасно, оскорблять совсем ни к чему, и такими безосновательными заявлениями бросаться, тоже не стоит. Я ни барыга и ни ублюдок, и уж тем более ни от кого не бегал”.

Вообще, мы с Иваном собирались сейчас ехать до ближайшего банкомата, чтобы с моей карточки снять 10000 рублей. Ваня неоднократно выручал меня, был моим “одностаничником” и хорошим приятелем. А ещё он был “дэпсом”, то есть работником ДПС. В этот вечер он собрался с друзьями поехать на море, позвонил мне, поинтересоваться, не займу ли я ему на пару недель “штук” десять.

– Да, не вопрос, – ответил я.

В кредитоспособности Вани я ни на секунду не сомневался. Тем более помощь человеку, способному в случае необходимости уладить вопросы в ГИБДД, весьма дальновидное и перспективное действие. Сейчас мы оба и двое его друзей лежим на асфальте лицом вниз с наручниками за спиной. Рядом со своей головой, с трудом поднимающейся и поворачивающейся, я вижу хлопотливую суету обрадованных непонятно пока чем сотрудников ФСКН – Федеральная Служба по Контролю за оборотом Наркотиков. Оператор неспешно водит камерой, Ваня и его друзья пытаются захлѐб что-то объяснить или, наоборот, требуют объяснений.

Всѐ как во сне, как будто не со мной, но в то же время ощущение страха или ужаса совершенно не сковывают разум. Напротив, организм мобилизует все ресурсы и заставляет собраться, вспомнить всѐ то, что могло бы помочь побыстрее выйти из сложившейся ситуации. Понимая, что быть кинозвездой, зажженной в таком ракурсе, – это совсем не то, о чём я мечтал, и веря, что мои пятнадцать минут славы ещё

не наступили, я начинаю “терпилить”.

–Старшой, ты ничего не путаешь? Вы не того взяли. Какие наркотики? Может вы хотели взять кого-то другого? Здесь какая-то ошибка!

Ничего не помогает. Старший из сотрудников распорядился поднять нас и развести подальше друг от друга, видимо, во избежание возможности договориться. Откуда-то мгновенно появились понятые. Меня подвели к моей машине, сняли наручники и предложили выложить содержимое карманов на капот. После того, как я не спеша вынул всё, что было в карманах, меня обыскали ещё раз – а вдруг что-то забыл. Связка ключей, банкоматная карточка, ключи от машины, несколько сотен и полторы тысячи рублей из другого кармана перекочевали на капот моей «заюзаной» “пятёрки”, увы, не “бэхи”.

–Откуда у вас эти деньги?– опер демонстративно указал на стопку купюр, появившуюся в моём кармане буквально двадцать минут назад.

–Это мне долг отдали,– ответил я, пытаюсь подавить волнение.

–Кто?– позируя перед камерой, продолжал сотрудник.

–Лёня...

–Какой такой Лёня?

–Я вообще-то не и фамилии его не знаю.

–Сколько здесь денег?

–Полторы тысячи рублей.

—А за что он вам их отдал?

—Просто он просил занять ему на время, а сейчас вернул.
А что?..

—Понятно,— оперативник немного подался в сторону.—
Понятые, пройдите, пожалуйста, сюда.

Мужчина средних лет со старомодным портфелем и высоко, почти на живот натянутых брюках, подошёл к машине. За ним проследовал слегка взъерошенный парень интеллигентного вида, явно испытывающий гордость за возможность помочь нашей доблестной милиции, хотя втайне от своей подруги регулярно употребляющий “анашу”.

Вот она — одна из пагубных особенностей нашего поколения, хотя почему “нашего”, извечная тема: запретный плод особенно сладок. Как десятилетний пацан прячется от взрослых, пробуя первый раз курить сигареты и испытывая чувство восторга от обладания новой тайной и впрыск адреналина от ощущения запрещённости действия, так и двадцатилетний не может устоять перед соблазном сделать что-нибудь плохое, хотя в душе терзается переживаниями о греховности и правозаконности этого акта.

И вот змей-искуситель, переливаясь в лучах ласкового солнца изумрудными чешуйками, прокусывает своими острыми зубами нежную кожу сознания молодого адепта. Клац! И вирус внутри... Дьявол сделал своё дело, дьявол будет продолжать. Но душу этого заблудшего ещё пока можно спасти. Инфекция ещё не проникла глубоко в кровь и поиск

иной реальности пока ещё не столь актуален для него. Но маховик желаний запущен, и уберечь жадный разум от новых экспериментов над своим организмом способно не многое. Крепкая любовь девушки, но она может и бросить. Жёсткий контроль родителей, но и он может ослабнуть. Негативное отношение друзей, но круг общения тоже может поменяться. Увлечение любимым делом, занятие спортом, но ведь иногда хочется и отдохнуть с “огоньком”. Замкнутый круг... Неужели нет выхода? Конечно же, есть, но он не “вне”, он – “в”. Только лишь после осознания ненужности всего запредельного появится по-настоящему любящая подруга; родители опять станут боготворить его успехи, и контроль не будет иметь смысла; друзья отныне ни на секунду не отпустят его из поля своего внимания; а театры, фильмы, спортзал станут теперь лучшим видом отдыха. Всё в его силах. А сейчас в его руках возможность, по его искреннему убеждению, свершиться правосудию. Хотя на самом деле – это лишь боязнь противоречить “людям в погонах” и желание побыстрее «хапнуть» в подворотне и отправиться к своей прыщавой подруге под бочок.

И вот он подходит к автомобилю и становится рядом с мужчиной с портфелем в руках. Оператор ловит “картинку”: в кадре я, капот автомобиля с содержимым моих карманов и эти двое, спешащие до сей поры по своим делам, прохожие. Один из сотрудников достаёт из своей сумки портативную лампу с ультрафиолетовым излучением, другой раскла-

дывает купюры по номиналу: 500р – две ассигнации, 100р – четыре, 50р – две. Моё нервное напряжение, хотя я пытаюсь этого внешне не показывать, доходит до предела, потому что я понимаю, что сейчас на купюрах что-то засветится. “СБЫТ” ...Эти четыре буквы, как расстрел без суда и следствия: гражданин такой-то *сбыт* с лица земли за ненужностью и в связи с рядом других существенных нарушений...

Тем временем на капоте раскладывают листок с ксерокопиями всех ассигнаций. Опер тщательно перечисляет серию и номер каждой купюры, сверяя их с помеченными. Формальность, чёрт бы её побрал, прекрасно же знают, что несовпадений быть не может, но надо всё сделать согласно букве закона.

А в голове безумным калейдоскопом мелькают фрагменты беспорядочных мыслей: меченые деньги..., ...работа..., ...Иван..., ...семья..., ...Лёня-наркоман... Так, стоп. Лёня-наркоман позвонил сегодня днём и сказал, что имеет возможность окончательно погасить свой долг – последние полторы тысячи из пяти, три с половиной он отдал несколько дней назад. И тут он приходит с мечеными купюрами. Так вот почему он так настойчиво предлагал встретиться именно сегодня! Видать его серьёзно с чем-то прихватили, если он решился пойти на такое. Вот сука, он ведь меня “запустил”. Ну, ничего, выкарабкаюсь – расквитаюсь. Сейчас главное спокойно разобраться с этими приключениями, а то, по-моему, шутить здесь никто не собирается. Ваня волком

на меня смотрит, тоже понять ничего не может, с каких-таких делов он попал в этот замес. Его друзья, один из которых в Чечне воевал, не могут уговориться, пытаются объяснить, что первый раз меня видят. Представляю, каково им сейчас, съездили на море; непонятно из-за кого и из-за чего приходится вытирать пузом асфальт и доказывать, что ты здесь случайный пассажир.

Машина правосудия с трудом может сбавить обороты, когда начинает свою “бескомпромиссную” гонку по виражам правонарушений и преступлений. И тут уже не стоит удивляться тому, что она может ненароком зацепить даже спокойно стоящего на обочине пешехода. Такими пешеходами в большей или меньшей степени оказались все мы, но в наихудшем положении оказался, конечно же, я. Меня обвиняют в сбыте наркотиков, и я чувствую, что даже если ущипну себя – это не окажется сном. С беспомощным, но, насколько это возможно, уверенным видом я оглядывал всё происходящее вокруг. С пацанов уже тоже сняли наручники. Видимо стражи порядка начали понимать, что они здесь ни при чём, но отпускать их никто не спешил. Обыскали их машину, обыскали мою.

–От чего эти ключи?– спросил низкорослый, плотного телосложения опер, видимо, являвшийся главным у них.

Только этого ещё не хватало. Это были ключи от дверей колледжа, в котором я время от времени находился даже по ночам. Директором колледжа является моя родная тётя Еле-

на Петровна. И именно этой ночью я должен был остаться там. Ужасно не хочется компрометировать тётку появлением в её храме науки всей этой компании в составе оперов, свидетелей, понятых, оператора. Слишком многим я её обязан.

Она в очередной раз дала мне возможность доказать себе и окружающим, что мир не ограничивается земельным наделом и выращенными на нём фруктами-овощами. Специалистом по внутренней отделке помещений я никогда не являлся, но мне с моим старшим братом Евгением было предложено произвести комплексный ремонт в её двухэтажном частном доме. Да, мы старались и, глядя на плоды своих трудов, испытывали гордость в большинстве случаев: ванная, кухня, зал, веранда были отделаны в соответствии с общепринятыми евростандартами. Но были моменты, где “косяки” вылезали наружу и нависали над нами неровностями потолка спальни, покрытого флизелиновыми обоями, или били по глазам волнообразностью швов на наружной стене веранды. Елена Петровна же, видя всё наше усердие и старание, никогда критически не указывала нам на наши недочёты, а наоборот, стимулировала нашу работу дополнительными премиальными выплатами.

То, чего достигла эта женщина, оставшаяся почти в сорок лет без мужа, с сыном и пожилой мамой, заслуживает отдельных биографических эпосов. Работая в начале своей карьеры в деканате одного из ВУЗов Краснодара, она впоследствии открыла колледж, ныне процветающий и весьма вы-

соко зарекомендовавший себя в сфере средне-специального образования. Мои три курса института (третий я заканчивал, уже находясь в армии) позволили мне быть зачисленным сразу же на третий курс тёткиного колледжа, где я заочно получил образование по специальности “Менеджмент”. Внешне очень привлекательная, стройная, всегда элегантная – она была из того класса бизнес-вумен, которые никогда не находят времени на свою личную жизнь, очень мало отдыхают, всегда озабочены детищем своего труда, в данном случае – колледжем. Её мама, моя бабушка, всегда очень переживала за её слишком перегруженный график жизни и стремилась всем ей помочь, вплоть до того, что “садилась” на телефон в период набора нового курса и давала исчерпывающую информацию относительно специальностей, сроков обучения, оплаты и всего остального. На работе её тоже очень ценили и уважали. И вот теперь я ставил под удар её репутацию и репутацию всего колледжа.

–Ключи от колледжа,– мрачно ответил я на вопрос главного опера.

–Какого колледжа?– оперативник начинал проявлять нетерпение.

–Вот этого,– кивнул я в сторону здания, от которого мы находились на расстоянии метров пятидесяти. В это время в нём уже никого не было, и ключи оставались только у меня.

–Надо осмотреть там всё, вдруг у него там что-то есть. Собирайтесь, идём туда.

Не знаю, что дальше произошло с Ваней и его друзьями, возможно, их оставили ждать нас около машин, но после этого я их больше не видел.

Через несколько минут мы были внутри колледжа, всё так же сопровождаемые понятыми и оператором.

–Открой эту дверь,– опер указал своему помощнику на дверь комнаты отдыха охранника,– заходите. Камеру пока можешь выключить. Если вдруг что-то найдём – снимешь.

Видеозапись приостановили. “Странно,– подумал я, – это плохой признак, могут что-нибудь и подбросить”. Но вслух ничего не сказал.

Сотрудники рыскали по маленькому помещению комнаты охранника: письменный стол, шкаф-тумба под телевизором, холодильник, в который я не задолго до этого положил купленную в супермаркете на вечер провизию, небольшой раскладной диван. Осмотрев мою спортивную сумку, молодой сотрудник в белой футболке, джинсах, кроссовках и “сумочке-кенгуру”, которую он почему-то носил не на поясе, а через плечо на груди, подошёл к правому быльцу дивана. Моя наблюдательность, и так не особо развитая, на тот момент и вовсе покинула меня. Но для того, чтобы понять, что же произошло в следующие мгновения, совершенно не нужно быть сверхпроницательным.

Этот с сумочкой наклонился к дивану, чтобы отодвинуть его от стены. Местоположение моё и понятых в тот момент было таковым, что его руки, опущенные к полу, и ноги в

кресовках, исчезли на некоторое время из поля нашего зрения. Заскрипели по полу ножки дивана и, слегка отодвинув его от стены, фокусник разогнулся.

–Здесь какой-то свёрток,– триумфально выпалил он.

Меня как током ударило. Нервное, произвольное сокращение мышц передёрнуло всё тело. Нерадостное предчувствие заставило меня сжаться в ожидании развития этого фарса. Главный вскочил из-за стола, оператор, куривший в это время в коридоре, залетел в комнатку.

–Нашли?– обрадовался он, включая камеру.

–Понятые, прошу вас проследовать сюда,– официальным тоном декларировал главный.

Когда они сделали несколько шагов вперёд и оператор занял свою позицию, опер с сумочкой опять наклонился за диван и распрямился уже с газетным свёртком в руках.

–А что у вас в багажнике?

–А там у нас конопля, завернутая в газету “Сельская жизнь”.

Эта сцена из кинофильма “Бумер” с гоблиновским переводом злой иронией всплыла в моём сознании. Да, кино – это кино, а жизнь – это жизнь. И умозаключение о том, что был бы человек, а за что его посадить – всегда найдётся, для меня вмиг обрело особо живые формы. Столь полюбившиеся герои “Бумера” вынуждены испытывать на себе беспредел автоинспекторов, “бомбящих” по трассе. С помощью подкидывания конопли “санитары дорог” разводят водителей на

деньги. Способ зарабатывания быстрый и, учитывая специфику их основной деятельности, в принципе безболезненный. Конечно, всем подкидывать они не станут. Для этого существует определённый контингент “терпил”, который будет сам во избежание огласки или из-за страха за своё будущее предлагать рассчитаться на месте и разъехаться. А поскольку ни свидетелей, ни доказательств у “терпил” не имеется, то подобный промысел, поставленный ныне на широкую ногу, будет процветать и впредь.

–Что здесь?– обратился ко мне старший опер.

–Понятия не имею. Это не моё,– как можно спокойнее и тверже произнёс я.

Развёрнутая к этому времени газета с “мелкопорубленной травянистой массой зеленовато-серого цвета, с виду напоминающей коноплю”, красовалась в ловких руках фокусника.

–Тут примерно стакан,– как при взвешивании, поднимая и опуская руку, с тоном знатока произнёс он.

Мои ожидания по поводу того, что может быть, всё обойдётся, окончательно были развеяны. Я не мог сосредоточиться и собрать свои мысли в одну кучу.

–Это не моё, я не знаю, откуда это здесь появилось,– тупо повторил я, глядя на понятах.

–Опечатывайте, оформляйте. Пусть они распишутся,– отдавал распоряжения главный.– Ну, что. Говоришь, не твоё? Знаешь, сколько тебе за это светит?

Майор Дербенко Алексей Андреевич (его звание и фа-

милию я узнал уже только в отделе) присел на край стола, лениво, но в то же время довольно потирая колени ладонями. Весь его облик говорил о надоевшей обыденности подобных мероприятий. Особенно участвовавшие в последнее время стычки с начальством по поводу малочисленности задержаний не давали ему покоя, подрывая и без того подыстрёпанные нервы. Вышестоящее руководство требовало регулярных отчётов о задержанных наркоторговцах, о разоблачении наркопритонов, о внедрении оперативников в среду наркоманов...

Четвёртый отдел ФСКН (Федеральная Служба РФ По Контролю Заоборотом Наркотиков) города Краснодара, начальником оперотдела которого он являлся, слыл показательным, и надо было поддерживать марку. В ход шли любые средства. Иллюзии о доблести и порядочности российского офицера, которыми он грезил в детстве, давно оказались разбитыми о волнорез суровой действительности трудовых буден. Мерзость и гнусность методов, которые приходилось использовать для поддержания благосостояния своей семьи и повышения показателей раскрываемости, уже перестали казаться столь шокирующими и неприемлемыми.

Дочь Анжела была без ума от своего героического отца. Но ещё больше её будоражила зависть подруг, восхищённо рассматривающих её новый смартфон последней модели, подаренный папой на днях без какого-либо на то повода. Хотя если бы сам Алексей Андреевич узнал об истории появле-

ния этого телефона у его молодых сотрудников, так настойчиво предлагающих принять дорогостоящую игрушку в дар, то гнева майорского пришлось испытать бы всем его подчинённым. Оказывается Дима и Женя (оба лейтенанта милиции, оформляющие сейчас как “вещдоки” то, что сами же и подкинули в комнату отдыха колледжа Елены Петровны) буквально неделю назад обогатились на две новые телефонные трубки. Бедолага-наркоман, взявший их в кредит в магазине “Эльдорадо”, хотя потом ещё долго продолжал выплачивать проценты, посчитал, что это он даже легко отделался. А схема быстрого обогащения бытовыми товарами отрабатывалась дерзкими и уже не в меру зажавшимися лейтенантами не в первый раз.

Всё выглядело так, ну, или примерно так...

Некто по прозвищу “Армянчик”, являющийся платным агентом оперативников ФСКН, за слив определённой информации подналадил себе очень удобный способ приобретения семечек «кондитерского мака», содержащих наркотик, на «Кооперативном» рынке.

По эффекту он мощнее героина, как и по пагубному воздействию на организм. Маковая чума начала расползаться по стране более десяти лет назад, во времена дефицита героина. Из-за прорех в законодательстве “семечки” открыто продавались оптом и в розницу на краснодарских рынках, в ларьках с сухофруктами...

Проблема в том, что семена мака – легальный продукт, не внесенный в список наркотиков. Однако, несмотря на огромное количество задерживаемых партий мака, на рынок он таки просачивается. Сами же торговцы "семечками" стали просто больше шифроваться и чаще менять номера телефонов. Многие подстраховываются и обязательно заносят в память мобильного уже обращавшихся клиентов, чужаков избегают. Адреса точек и контакты дилеров передаются по сарафанному радио. Правда, живо интересующиеся нужный номерок сумеют раздобыть и дозу купят.

...Время – 9.30 утра. "Счастливые часы" для продавцов мака, на которые приходится пик заказов. Проснувшись, наркоман покупает дозу и отправляется восвояси "варить семечки" – готовить опий. Больше всего любителей "семечек" концентрируется в "спальных" районах. Квартиру, где варят "зелье", можно вычислить по распахнутым настежь окнам (чтобы поскорее выветривался стойкий запах ацетона). Как правило, наркопотребители – люди лет 22-30, начинавшие с более легких наркотиков и опустившиеся до мака.

Около 30 процентов мака попадает на наш рынок с Запада: из Литвы, Польши, Чехии, Франции. На вид они похожи на кондитерские. Единственное, что отличает их – содержание примесей сухих стеблей, свернувшегося макового сока и плодовых коробочек. Также семечки покрывают напыле-

нием из смеси наркотических веществ. Правда, это дешёвое сырьё для приготовления химического вещества стоит дороже своего пищевого собрата.

Маковые семечки превращаются в наркотик путём нехитрых манипуляций в кустарных условиях. На выходе получается ацетилированный опий, морфин, кодеин или тебаин – вещества, вызывающие привыкание и разрушающие мозг здорового человека. Из одного килограмма маковых семечек можно приготовить от трёх до шести доз наркотика. Маковые семечки называют «грязным» наркотиком или наркотиком «для бедных».

Некоторые наркоманы усиливают действие наркотика такими медицинскими препаратами, как димедрол и тропикамид. Употребление этих медикаментов часто усугубляет последствие употребления наркотика и способствует разрушению нервной системы человека. Употребляя продукт из маковых семечек, наркоману сложно навскидку определить свою дозу. Этот факт увеличивает вероятность передозировки.

У Армянчика передозы уже случались, и о печальных последствиях он представление тоже имеет. А кому охота думать о плохом, когда предвкушение долгожданного кайфа напрочь затмевает сознание. Но у Армянчика нет «тачки», а у его не очень близкого приятеля Анзора хоть и плохенькая, но всё же “девятка” имеется. И вот он рассказывает Анзору, что, мол, опера “ведутся” на его «чёс» о предстоящей круп-

ной сделке купли-продажи наркоты, и ходят у него на “цырлах”, и сами даже семечку ему покупают. Но он, конечно же, ни о какой сделке никому стучать не собирается, а просто “динамит мусоров”.

Они подъезжают с Анзором прямо к зданию ФСКН. Опер выходит и они едут на “Кооперативный”. Там опер идёт и сам покупает им семена, они отвозят его назад и уже едут по своим “движениям”. Так повторялось несколько раз. Анзору и Армянчику такой безопасный метод приобретения «маковых семечек» очень понравился: ни суеты, ни “палева”, ни лишней головной боли.

В один прекрасный день они собираются и едут в Анапу к Анзору, где остаются на три дня. Отдохнув и порешав какие-то незначительные денежные вопросы, они возвращаются назад в Краснодар. Естественно, очередная доза, приобретённая при помощи оперов, – первый вопрос на повестке дня. И вот они уже в шаге от блаженной эйфории уже ожидают у центрального входа в здание ФСКН. То, что с “мусорами” шутки плохи, Армянчик, конечно же, знал, но то, что их взаимовыгодное сотрудничество может закончиться таким образом, он и предположить не мог. Его без всяких объяснений выволакивают из машины, валяют по асфальту, а потом затаскивают вовнутрь здания.

Тут очередь доходит и до Анзора. Расположившись в салоне его “девятки”, Дима и Женя выясняют, где их “носила нелёгкая” целых три дня.

–В Анапе, по делам были,– непонимающе отвечает Анзор.

–Ну, вот за эти дела и за «фуфловые прогоны» Армянчика придётся страдануть вам обоим,– злобно резюмируют опера.

И начинается “развод” Анзора.

–Знаешь, что это? Это коробок “шмали”, который мы изъ-яли только что из твоей машины. Тем более, ты “наколотый”, сейчас ещё поедем на экспертизу. Короче, срок тебе обеспечен,– не скрывая, Женя засовывает в задний кармашек чех-ла водительского сидения спичечный коробок с коноплём.– Отдаём сейчас твою ”тачку” за 60 “штук”, десять из них – твои и разбегаемся. Идёт?

–Да вы что? Какие шестьдесят, какие десять? Мне без тач-ки нельзя. Ты меня возьми на чём-нибудь конкретном, стар-шой. На фига ты мне эту дрянь подкидываешь? Зачем так себя вести?– ни раз сидевший Анзор имеет опыт общения в таких ситуациях, но раз на раз не приходится.

–Хорошо, ты сам напросился.– Дима набирает чей-то те-лефонный номер.– Алло. Санёк, привет... Тут клиент для тебя... Да, наколотый за рулём... Подъезжай, вези на экспер-тизу... Да около себя стоим... И надолго?.. Нет, три часа мы ждать не можем... Ну, всё, пока.

И тут Анзору повезло: их знакомый “гаишник” оказался на ДТП в другом конце города.

–Ну, тогда “Эльдорадо”. Будем оформлять кредит. Возь-мёшь пару “трубок” и мы забираем “шмаль”. Честное-благо-родное,– ехидно смеётся Женя, глядя на своего довольного

напарника.

У Анзора выбора нет, придётся ехать. Первоначальный взнос по тысяче рублей за каждый телефон шантажисты оплачивают сами, остальное – проблема Анзора. Вот так “без шума, без пыли” нашли компромисс. Со «шмалью» не обманули, забрали из автомобиля и отпустили. А Дима с Женей кинули жребий, чью “трубу” дарить начальнику, ведь зарабатывать плюсики, ублажая старших по должности, – значит шагать вверх по карьерной лестнице. Майор Дербенко всё это понимал, но подобными методами не пользовался и не одобрял, хоть и поделаться уже ничего не мог.

Прибыл начальник охраны колледжа. Ему объяснили ситуацию, отдали ключи, а меня повели назад к машине. Первоначальные документы были оформлены, “вещдоки” опечатаны, свидетели отпущены. Потемневшее небо Краснодара предательски нависло над залитыми неоновым светом улицами. Полуобнажённые девушки и их полураздражённые кавалеры отправились на променад. Лето вступало в свои права. Кому-то оно дарило многообещающие надежды и радость, кому-то, наоборот, – горестные переживания и боль расставания.

* * *

Просторные кабинеты ФСКН своим внутренним убранством могут потягаться разве что с шикарными кабинетами

чиновников Городской Думы или Краевой Администрации. Я сидел уже около получаса один с застёгнутыми сзади за стул наручниками. От неудобного положения сильно затекли руки и спина. Дверь открылась и зашли всё те же трое: Дима, Женя и Дербенко.

Висящие слева от меня часы показывали уже 22.20, но, судя по боевому настрою троих, домой никто не спешил. По пути сюда я прекрасно осознавал, что меня сейчас ждёт. Фильмы и книги о “преступлениях и наказаниях” и способах выбивания информации довольно красочно позволяли представить методы, которыми это достигалось. Пытка калёным железом и засовывание под ногти иголок меня вряд ли ожидали, но вот методичная обработка дубинками или просто кулаками, замотанными в полотенца, виделась мне как стопроцентный вариант.

Существует и более изощрённый и действенный метод, называемый “крокодилчики”. После него испытуемый готов взять на себя всё: от похищения рубиновой комнаты в годы ВОВ до убийства Кеннеди. На голову надевают противогаз, в него заливают воду, а на икры ног цепляют по крокодилчику, провода от которого ведут к динамо-машине. Вращение ручки машины подаёт напряжение, и разряд проходит прямо через мозг, благодаря водяной подушке вокруг головы. После таких экспериментов люди начинают разговаривать со стенами, пытаются сквозь них пройти и не редко слышат голоса, видимо, Высшего Разума.

Мне, к счастью, удалось избежать каких-либо насильственных действий по отношению к себе. Оказывается, приехала Елена Петровна с «каким-то человеком из каких-то структур», и тот ясно дал понять сотрудникам ФСКН, что превышать полномочия нельзя, всё должно быть в рамках закона. Но вот и забрать меня тоже не получится. Меня имеют право задержать за любое административное правонарушение на срок до пятнадцати суток. И мне как раз сейчас вменяют третью часть статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях “Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ или сотрудника органов, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, в связи с исполнением ими служебных обязанностей, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей”. Это дежурный способ задержать кого угодно до заведения уголовного дела.

Дербенко прошёл к своему столу и уселся в мягкое офисное кресло на вращающейся ножке с подлокотниками. Зевнув, он откинулся назад и сцепил руки за головой.

–Давайте, время зря не теряйте. Записывайте показания, оформляйте “административку” и везите его спать. Устал я сегодня. А ещё обещал сегодня своим пораньше вернуться домой.

Женя поставил стул возле меня, развернул его спинкой

вперёд и сел.

– Ух, я бы его, – с тоном свирепой разочарованности от невозможности подразмять кулаки, прошипел он.

– Да, успокойся ты, – осадил его Дима. – Давай, лучше, бери, оформляй документы.

– Ага. Щас. С каких это? Ты начал оформлять, ты и заканчивай. Это всё делается одним сотрудником. Возьми, вот, почитай, – он поднялся, подошёл к другому столу, достал из ящика какую-то книжку и швырнул её Диме.

Тот выругался, но спорить не стал. Он работал здесь не так долго, как Женя, поэтому основная часть бумажной работы сваливалась обычно на него. Дима достал бланки, потом взял «учебник», брошенный Женей, почитал что-то, и, отложив его, стал записывать. Дербенко что-то читал у себя за столом, Женя лениво раскачивался на стуле, пялясь в телефон. Мне пришлось, отвечая на вопросы Димы, рассказать с самого начала историю моего знакомства с Лёней; о его друзьях наркоманах; о деньгах, которые он взял в долг у меня; о том, что часть из них он отдал раньше, а сегодня позвонил и предложил отдать остальные. Дима записывал всё это, перефразируя на свой милицейский лад. И про то, что с Ваней собирались ехать к банкомату, и про то, что к найденной в колледже конопле я не имею никакого отношения.

– Кстати, – вдруг как будто очнулся Дербенко, – а “вещдоки” все оформили?

– Нет, только те, что изъяли, – недвусмысленно отозвался

Женя.

Майор ещё несколько секунд посидел, задумчиво кивая в такт своим мыслям, потом поднялся.

—Я сейчас вернусь,— сказал он и вышел.

Дима тем временем опять искал что-то по своему “учебнику”.

Вернулся Дербенко. В руках у него было два небольших газетных свёртка, один из которых был перевязан чёрной ниткой.

—И где какой?— поднявшись со стула, подходя к начальнику, спросил Женя.

—Вот этот — из колледжа, а этот — с хранилища,— ответил майор, протягивая оба свёртка подчинённому.— Этот тоже перематывай и опечатывай оба.

—А они...?— начал было Женя.

—Не волнуйся, всё нормально. Они одинаковые,— как будто и не замечая меня, равнодушно отозвался Дербенко.

—Узнаёшь?— ехидно кривляясь, обратился ко мне Женя, перематывая второй свёрток чёрной ниткой.

—Нет, не узнаю. А что это?— пытаюсь не поддаваться возмущению и панике, как можно спокойнее ответил я.

—Да это уже и не важно. Это твой билет за решётку,— загоготал он. Ему доставляло истинное удовольствие издеваться надо мной.

Конечно, Жене было бы гораздо приятнее, если бы я нервничал, возмущался, пытался бы что-то доказывать, но я пре-

красно знал, что никакого смысла в этом нет. Делу это не поможет, а вот хуже сделать может. Поэтому я выбрал позицию невозмутимого спокойствия и равнодушия, хотя внутри у меня всё кипело и бурлило. Такого откровенного беспредела я не видел даже в фильмах и не читал в книгах. Для них же это была абсолютно будничная обыденность, привычная, не вызывающая никаких эмоций работа, приносящая довольно неплохой заработок. Женя не спеша вырезал из форматного листа два квадратика размером примерно 5*5см, Дербенко поставил на них по печати, расписался, и они были наклеены на перевязанные нитью свёртки. Дима прочитал написанное, потом дал мне расписаться в моём объяснении по административному правонарушению, записанному с моих слов. Свою вину я не признавал, потому что никакого “Неповиновения законным требованиям...” с моей стороны не было. Но признание или непризнание в этом случае не имеет никакого значения, так как решение выносится мировым судьёй на основании протокола должностного лица, в данном случае сотрудника ФСКН.

Оформив документы по “административке” и задержанию на сутки, Дербенко распорядился отвезти меня в отделение полиции на ночёвку.

* * *

Сотрудник ночной смены с сонными глазами и вялой по-

ходкой был явно не доволен видеть нас в столь поздний час. Оформление документов вызвало у него особые сложности. То завалившиеся куда-то бланки, то не пишущая ручка, в которую он постоянно пытался дуть своим дьявольским перегаром и трясти. А тут ещё находящийся в невменяемом состоянии алкаш, находящийся в одной из клеток “обезьянника”, видимо уже не первый час усиливал его головную боль. Дима и Женя терпеливо, но совершенно без сочувствия к кому-либо из них, наблюдали за происходящими событиями и ждали вторых бланков для своей отчётности. Ведь завтра с утра им предстояло опять ехать сюда и забирать меня в отдел.

Наконец, всё было оформлено, подписано и меня провели в печальную камеру шириной полтора метра и длиной около трёх со скамейкой у левой стены. На ней уже, согнувшись пополам, сидел и пытался уснуть неопрятного вида молодой парень лет двадцати двух. Он поднял на меня свой болезненный взгляд и снова опустил голову на колени. Мы друг друга совершенно не интересовали. Хотя каждый по-своему планировали сегодняшний вечер, мы оба оказались в одном и том же месте. Я снял туфли, закинул ноги на скамейку шириной сантиметров тридцать и попытался прилечь, положив руки под голову. Пьянчуга в “обезьяннике” тем временем не на шутку разошёлся, принялся материть полицию, требуя вывести его в туалет и грозить загадить тут всё, если его не сводят. “Да, усрись ты уже там,— было ответом полу-

пьяного дежурного,— а если ты сейчас не замолкнешь, то уссышься и усрёшься от моей дубинки”.

“Надо попробовать поспать,— думал я, но прекрасно осознавал, что уснуть мне сегодня не придётся.— Как я здесь оказался? Это какой-то бред. Представляю, что сейчас творится с тёткой, что будет дома, когда узнают, куда я встрял. Жена с родителями с ума сойдут. Телефона нет, хотя Елена Петровна, наверное, отцу уже позвонила и всё рассказала. И ведь наверняка поверят в то, как им это преподнесут. Да, покуривал временами коноплю, хотя не пил спиртного и не курил сигареты. Но чтоб хранить в колледже или продавать!.. Видимо сильно у них там не срастается с задержанием наркоторговцев и выполнением планов, что они решили на каждом планокуре себе раскрываемость повышать. И как я умудрился согласиться одолжить деньги этому Лёне! Я ведь знаю его “без году неделя”. Знаю, что он на “системе” и всё равно повёлся на его басни о сложностях в семье, о кредитах, висящих на нём, а когда услышал о жене-санитарке и чуть ли не голодающих детях, тут и дал “слабинку”.

Я познакомился с Лёней в одной из квартир города Краснодара на Юбилейном МКР, где мы с моим хорошим приятелем Вовой делали ремонт. Объект был весьма перспективным, особенно учитывая наш невысокий профессионализм, хорошие расценки и имеющийся объём работ. В день, если работать в том режиме, в котором я задал для нас с Вовой, а именно начинать с раннего утра, а ложиться в 2-3 часа ночи,

то получалось заработать в среднем по паре тысяч рублей на каждого.

Это была однокомнатная квартира в новом девятиэтажном доме. Смене облика квартиры подлежало всё: прихожая, санузел, кухня, зал и даже балкон. Полы, стены и потолки под нашими уверенными и трудолюбивыми руками должны были измениться до неузнаваемости в соответствии с так называемыми “евростандартами”. И мы на самом деле работали с воодушевлением, не покладая рук. Хозяйка была нами довольна, никогда не обманывала с оплатой, но, конечно же, просила, чтобы окончательная смета была по возможности ниже. Любому другому человеку я вряд ли бы старался всё сделать на пределе своих возможностей и с расценками тоже бы не скромничал. Но тётя Люба была человеком с нелёгкой судьбой и с добрым сердцем.

Больше двадцати лет она героически, как это свойственно сердобольным русским женщинам, терпела выходки своего мужа-алкаша, но он всё равно ушёл к другой. Рассказывая о своём взрослом сыне, дела которого когда-то шли довольно неплохо, она говорила, что он сильно заболел, пришлось многое продать вплоть до машины и разменять квартиру, чтобы были деньги на лечение. Но всё на самом деле выглядело не совсем так. Её сын был наркоманом и проколол весьма перспективное будущее. Тётя Люба горбатилась днём и ночью, дала ему хорошее образование, обеспечила прибыльной работой, но так и не смогла уберечь от плохой наслед-

ственности и дурного влияния друзей. Сынок пристрастился к наркотикам. Она узнала об этом слишком поздно, положила его на лечение, но через время он начал колотиться опять.

И вот теперь наши пути пересеклись в квартире его мамы. Он сначала в наше отсутствие, а потом и при нас с Вовой приходил со своими “кентами” и варил всё ту же маковую семечку для внутривенной инъекции. Времени на нахождение в квартире у них уходило обычно от тридцати минут до часа. Портативная газовая плита в небольшом дипломате, которая всегда находилась в квартире, была очень удобна для приготовления пищи где-нибудь на пикнике на природе. Но здесь подарок Прометея людям, вырывающийся из сопл горелки, использовался в совершенно не предвиденных им целях.

Лёня был завсегдатаем этого мероприятия, самым активным и болтливым приятелем Димы – сына хозяйки. Никогда до этого не присутствуя при процессе приготовления “ширева” и не имея опыта общения с подобными людьми, мы с Вовой терпеливо ждали их ухода, сидя на кухне. А что нам оставалось делать? Мы были на рабочем объекте, но в тоже время Дима был практически хозяином квартиры, в которой мы работали. Правда, пару-тройку раз мы курили с ними анашу, принесённую иногда мной, а иногда кем-то из них. Лёня регулярно жаловался на свои финансовые трудности, проблемы в отношениях с женой и несколько раз просил одолжить ему денег. Но какие тут могут быть займы, когда сам работаешь на трёх работах, дома почти не бываешь, от-

кладываешь на приобретение холодильника, стиральной машины и всего прочего, да ещё живёшь с женой и с двумя детьми на съёмной квартире в станице.

В один из вечеров в конце весны мы закончили ремонт в зале квартиры тёти Любы и получили расчёт за проделанную работу. Хозяйка как всегда оставила нам ключи и ушла чуть раньше к сестре, у которой она жила всё это время. Мы, уставшие, но удовлетворённые наличием похрустывающих купюр в кармане наконец-то собирались с Вовой по домам. Заведя двигатель своей “пятёрки”, я увидел, как в подъезд зашли Дима – сын тёти Любы, – его друг Лёня и ещё какой-то высокорослый парень. “Чёрт возьми, я же оставил трубу в квартире”, – вспомнил я и заглушил так и не успевший прогреться двигатель. Делать нечего, пришлось подниматься, без телефона в наше время и дня не прожить. Дима уже собирался прикрывать за собой дверь, когда я вышел из лифта.

–О, здорово! Ну что, сегодня гуляем? – дежурной фразой человека, знающего о наличии денег у другого человека, приветствовал он меня.

Его мама уже рассказала ему, что сегодня рассчиталась за часть работы. Особенно меня был рад видеть Лёня.

–Макс, привет. Слушай, братан, выручай. Буквально но неделю займи “пятёру”, – с душещипательными нотками не унимался он, – мы тоже скоро заканчиваем ремонт на объекте, а завтра по кредиту платить. Ну, ты же знаешь, я отдам.

Пытаясь себе объяснить, что именно толкнуло меня на то, чтобы поддаться его уговорам, я сейчас прекрасно понимаю, что причин сомневаться в его способности вернуть деньги у меня имелось предостаточно. Но вполне достаточно было и одной: он – наркоман и этим всё сказано. Какая семья, какая работа, какие кредиты? Весь образ его жизни сводится только к одному – добыче очередной дозы. Ради этого он готов пойти на всё, ну, или почти на всё. А уж такая мелочь, как кинуть доверчивого лоха на бабки – это практически святое. Можно даже ради этого предложить написать расписку, что он, кстати, и сделал.

– Да, ладно, не надо никаких расписок. Уж я и без этого найду способ забрать у тебя свои ”бабки”, – деловито парировал я и словно бандерлог перед удавом, “отслюнявил” ему пять тысяч рублей.

Три с половиной из них он действительно отдал через некоторое время за два раза, а вот остальные полторы стали роковыми и для меня, и для него. Вся его сущность и система взглядов, которой он придерживался, а точнее её отсутствие, привели его к тому, что он регулярно пересекался с милицией. Неоднократно судимый за кражу, разбой, мошенничество (обычные для наркомана статьи), он опять попал в поле их зрения. Нелегальное сотрудничество с милицией во избежание личного наказания стало для него регулярной практикой. Муки совести и стыда, так и не успев проснуться, засыпали от пробуждения мук физических, связанных с

наркотическим “кумаром” и постоянным поиском наркотиков.

* * *

Жаркое весеннее солнце неумолимо пекло и накаляло крышу чёрной тонированной “девяносто девятой”, владельцем которой был Дэн – общий друг Лёни и Димы. Они втроем сидели на берегу Кубани и лениво рассматривали прогуливающихся неподалёку молодых мам с колясками. Атмосфера раздражения и депрессии, царящая в салоне, была пропитана запахом смога марихуаны, от передаваемого по кругу косяка.

–Задолбала меня уже эта шмаль. Уже не “вставляет”. Надо бы что-то “мутить”, – попытался начать разговор Дэн. Он затянулся последний раз и выкинул “крапаль” в окно. – Дай сигарету.

Лёня протянул ему пачку “Парламента” и зажигалку. Удивительный факт: как бы сложно у кого с деньгами не было, в том числе и у Лёни, но у него всегда хватало на хорошие сигареты. Это неоднократно подмечали и его друзья.

–Где ты их всё время берёшь? Табачные ларьки, что ли “бомбишь”? – Дима немного подумал, стоит ли говорить следующую фразу, но всё же не удержался, – или опять на “мусоров шпилишь”?

На днях их остановили опера из ФСКН и интересовались

“гастарбайтерами”, работающими у его мамы на квартире. Особенно выспрашивали про Макса: кто, что, курит, колет-ся? А потом отвели Лёню в сторону и допытывали его ещё минут пятнадцать.

–Да ты о...ел, что ли? Ты за кого меня принимаешь?– начал оправдываться он.– Они на этого рыжего “в закуси”. По ходу, хотят его прикрыть за что-то. А мне оно на х... не надо. Они, кстати, уехали вчера?

–Нет. Остались с ночёвкой, что-то там не доделали. Ты вообще думаешь отдавать ему капусту? А то он меня уже одолел. Говорит, звонит тебе, а ты трубку не берёшь. Я запарился уже тебя отмазывать. Он предлагает, чтобы я за тебя ему эту “полтораху” отдал.

–Отдам. Скоро,– нехотя ответил Лёня,– Щас просто денег нет. Надо на вечер что-то придумывать.

–Во-во! И я говорю. Сегодня надо обязательно “подлечиться”,– оживился Дэн.

В его жестах и издёрганной манере поведения прослеживалась особая потребность в скорейшей дозе. Трудно было узнать в этом сутулом, но рослом парне с бегающим взглядом и синеватыми кругами под глазами КМСа по баскетболу, а в школьные времена – участника олимпиады по физике. За успехи в спорте и в знак уважения к сыну отец частенько давал ему, а потом и вовсе подарил свою “девяносто девятую”. Себе, конечно, купил иномарку – “Hundai Accent” шоколадного цвета. Лёня такими же методами, как когда-то

с Димой, сблизился с Дэном. Неумение быстро сходиться с девушками, но наличие денег и автомобиля составили хороший альянс с Лёниной способностью охмурять легкодоступных девах и страстью к развлечениям. От безобидных, по словам Лёни, "колес экстаза" они плавно перешли на героин, а вот теперь из-за постоянного отсутствия денег скатились до маковой семечки. Деньги родители отказывались давать, спорт Дэна уже перестал интересовать, зато всё увеличивающаяся доза затмевала весь его разум и руководила всеми его действиями.

Зазвонил телефон. Лёня сунул руку в карман спортивных штанов и достал свою NOKIA.

–Да... Точно?.. Всё так же?.. Да хоть сейчас,– оживлённо отчеканил Лёня.

Краткость – сестра таланта и двоюродная тётка безопасности. Обсуждать вопрос приобретения наркоты по телефону приходится с большой осторожностью. Специальные кодовые слова, зашифрованные, отвлечённые от основного смысла фразы знакомы всем, варящимся в этом соусе. В том числе и полиции. Но даже если дошло до того, что телефон ставят на "прослушку", то подобный набор слов в детализации разговоров оператора сотовой связи не может быть неоспоримым доказательством в суде. Но Лёне хватило и десяти секунд разговора с использованием весьма поверхностных фраз, чтобы понять, что прямо сейчас можно подъезжать к барыге на точку на рынок "Гарант" и "тариться" се-

мечкой.

–Заводи, поехали,– он сплюнул на асфальт и захлопнул дверь,– похоже, всё срослось.

–А “бабки”? Я у родителей больше взять не смогу,– пытаюсь предвосхитить вопрос поиска денег на “ширку”, занервничал Дэн.

–Не суетись. Всё будет.

Лёня добавил громкости на магнитоле, и “тачка” рванула с места.

Краснодар находится на третьем месте по насыщенности автомобилями на душу населения. Середина дня, час пик и начинающие закипать в “пробках” двигатели автомобилей могут вывести из себя даже самого сдержанного водителя. Дорога от Юбилейного до “Гаранта” заняла чуть больше получаса. Почти все стояночные места уже были заняты. С трудом втиснув свою “99” между “семёркой” и новенькой “DAEWOO”, Дэн заглушил мотор.

–Будьте наготове. Всяко может быть,– серьёзно предупредил Лёня и вышел из машины.

Перепрыгнув через перила, он направился к стоящему неподалёку магазинчику по торговле-скупке-обмену сотовых телефонов. В его кармане, помимо своей NOKIA, лежала симпатичная, почти новая раскладушка SonyEricson, которую он вчера “отработал” в баре у какой-то барышни из сумочки. О том, что заявление о краже телефона и приметы того, кто предположительно мог бы это сделать, уже с утра

лежали в отделении полиции Прикубанского района, Лёня знать не мог.

Он вошёл в магазин и подошёл к уже знакомому продавцу, скупающему телефоны без документов. Непродолжительный процесс торга, расчёт и оба довольные заключённой сделкой продолжают заниматься каждый своим делом. Уже с наличкой он отправился на сам рынок, проходя мимо полупустых столиков летнего кафе, не обращая никакого внимания на двух парней в солнцезащитных очках, мирно попивающих кофе с шоколадом.

Приобретение семечки для наркомана всегда весьма рискованное мероприятие. Произойти может всё, что угодно: внезапно подскочившие цены, милицейский рейд, облава или персональная слежка. Какая именно из полицейских операций отрабатывалась в этот день, Лёне узнать так и не довелось. Но, когда он направлялся уже обратно к машине с полиэтиленовым пакетом и лежащими в нём четырьмя упаковками семечек, допивающие кофе молодые люди внезапно вскочили со словами: “Стоять! Полиция!” и ринулись к нему. Будучи на чеку, Лёня рванулся назад, но был сбит в то же мгновение появившимся сзади амбалом, проявившим желание добровольно помочь стражам порядка. Наручники защёлкнулись, и его повели к белой Волге ГАЗ 3110. Что-либо доказывать или сопротивляться смысла не было, его взяли с поличным: незаконное приобретение наркотических средств в крупном размере, ст.228 УК РФ до трёх лет лише-

ния свободы.

Дэну и Диме сегодня повезло. Оперативники не видели, откуда появился Лёня, поэтому, прождав полчаса в машине и почуяв неладное, они уехали. По пути Дима набрал номер телефона Лёни, но трубка незнакомым голосом ответила “Да” и Дима сразу же отключился. Его опасения были подтверждены, и нависшая над ними грозовой тучей опасность скоро должна была разразиться громом и молнией неминуемого правосудия.

* * *

Уже хорошо знакомые Лёне стены коридоров здания ФСКН, встретили его молчаливой, давящей враждебностью. Каждый попавший сюда начинает буквально кожей ощущать неизбежность возмездия. Виновен ты или нет, плотность повязки на глазах Фемиды напрямую зависит от плотности твоего бумажника или величины банковского счёта. Но бывает и так, что на чашу весов с надписью “невинновен” сбрасываются судьбы и души тех, кто может помочь настоящему преступнику уйти от наказания.

–Здравствуй, Алексей,– с наигранным тоном почтения протянул сидящий в кресле мужчина.

Это был Олег Ершов, капитан третьего отдела ФСКН города Краснодара. Его лоснящееся, покрытое глубокими оспинами лицо, пыталось выражать улыбку, как при встрече

старых знакомых. Лёня, по паспорту Алексей Юренко, присел на стул, стоящий около стола.

–Здравствуйте, Олег Семёныч. Вот уж не ожидал вас сегодня увидеть,– Лёня ужасно не любил полицейских, но несвободу он не любил больше, поэтому пытался скрывать пронизывающие его раздражение и страх.

–А вот это напрасно. Ты же знаешь, мы всегда рады тебя видеть. Правда сейчас наши хорошие отношения придётся прекратить. Не заходишь к нам давно, не звонишь. Не хорошо это. Да и больно уж ты оборзел в последнее время. Что нам остаётся делать, коли ты не выполняешь договорённости? Только закрыть тебя.

–Как закрыть? Начальник, ну вы что? Семёныч, вы же знаете – мне за решётку никак нельзя: семья, дети, кредиты,– нервно засуетился Лёня.

–Срал я на твои кредиты. Может хочешь ещё, чтоб я их за тебя выплачивал? Ты сам выбрал свою судьбу – будь добр соответствовать. Ты когда нам последний раз звонил?

–Так а чё зря звонить-то, поводов нет. Ни притонов, ни барыг, ни серьёзных сделок.

–Не п...ди. Наверняка, что-то есть, просто ты продолжаешь нам “балду кружить”. Что-то ты зачастил к Диминой маме на квартиру. Вы что там – варите, что ли?

–Да нет, конечно. Какой варите, Олег Семёныч. Просто хата пустует, вот мы и заходим туда нет-нет вечерком, чаю там попить, пивка. Там сейчас ремонт, но, правда, не каждый

день. Вот мы, когда работников нет, и заходим.

–А с ними ты что, ни разу не пересекался?

–Да видел пару раз мельком,— не зная сам зачем, соврал Лёня, хотя буквально два дня назад они всей троицей варили у тёти Любы на квартире “ширку”, и оба гастарбайтера были там.

–Как их зовут,— неожиданно для Лёни спросил опер.

–Кого? Работников?— удивился тот.— Вова и Макс, кажется. А что?

–И что, они тоже колются?

–Да вроде, нет. Курят – точно.

–А где берут?

–А я откуда знаю, я не спрашивал. Пару раз меня накуривали, пару раз я их, – слишком разоткровенничавшись, опять не подумав, ляпнул Лёня.

–А ты где берёшь?— сразу зацепился Ершов.

–Начальник, ну ты что? Я же...

–Ладно, понятно, не бзди. Мне нужен этот Макс,— внезапно выстрелил капитан.

–Что значит – нужен?— недоуменно осёкся Лёня.

–Что-то ты сегодня вообще не догоняешь. Кумарит тебя, по ходу? То и значит – нужен.

–И что я могу сделать?

–Не знаю, думай. Вариантов – масса. Мы бы и сами могли, но ты же хочешь нам помочь, отработать свои “пакеты” и свободу.

–А чем он вам так насолил?– пытаюсь увести разговор в другое русло, невпопад обронил Лёня.– Ваши тоже пару дней назад про него интересовались.

–Не твоё собачье дело,– огрызнулся Олег Семёныч.– Если не хочешь сидеть, придумаешь, что сделать.

–Ну, вы вообще из меня суку хотите сделать. Зачем вы так?– нарочито обиженно и возмущённо промямлил Лёня, а для пущей выразительности опустил глаза в пол и отвёл голову в сторону.

–Ничего, ничего. Привыкай.

Лёня было встрепенулся, чтобы что-то ответить, но в это время дверь открылась и в кабинет вошёл один из сотрудников. Он подошёл к Ершову, наклонился к его голове и начал что-то шептать ему на ухо. Передавая какой-то предмет под столом вне видимости Алексея, коллега еле заметно кивнул в его сторону. Ершов заулыбался, посмотрев на испуганную физиономию Лёни.

–Понятно, спасибо,– поблагодарил Олег Семёнович, и помощник отправился к выходу.– Так что? Будешь продолжать из себя целку строить?

От былого уважения к задержанному не осталось и следа. Лёня, почуяв неладное и вжавшись в стул, молчал в ожидании.

–Хорошо. Ты сам виноват. Это что?– капитан швырнул на стол красную раскладушку “SonyEricson”. Лёня поменялся в лице.– А я тебе скажу, что это. Это – твоя любимая 158-ая.

“И по тундре, по железной дороге...” – омерзительно запел Ершов.

–А это ещё доказать надо, – в основном говоря это себе, промолвил Лёня.

–В этом ты не сомневайся, докажем. Продавец в магазине тебя сдал, он из-за тебя сидеть не хочет. Заявление потерпевшей с твоими приметами в отделении. Так что "трёшечка" по "два два восемь", "двушечка" по 158-ой – "пятёра" тебе обеспечена. Тем более рецидив, а ещё, наверняка, “непогашенная” висит.

Лёня совсем побледнел и от рисуемой в воображении картины возможных последствий ещё сильнее втянул голову в плечи, но взгляд остался напряжённо-задумчивый. Было видно, что он лихорадочно о чём-то соображает.

–Есть один вариант, – неторопливо начал Лёня. Сидеть катастрофически не хотелось, да и кто ему такой этот Макс. “Его свобода против моей свободы. Надо соглашаться”.

–Ну, вот. Другое дело, – довольно заулыбался Ершов, раскинувшись в кресле. – Можешь ведь, когда захочешь. Давай, рассказывай.

* * *

Дутая "Тойота-Аурис" цвета "металлик" бесшумно подплыла к воротам "нашего здания". Так мы с братом, а с наших слов и все остальные, называли панельное строение ше-

сти метров в высоту и площадью почти семьсот квадратных метров. Я в это время был на улице, поэтому выходящих из автомобиля людей встретил первым. Все трое были одеты в кожаные куртки разного покроя, двое из них с папками подмышками.

–Здравствуйте. Кто здесь хозяин?– произнёс один из них и его блестящее, покрытое оспинами лицо, растянулось в подобии улыбки.

–Здравствуйте. На данный момент – я. А что?– ответил я, в принципе уже догадавшись, о чём сейчас пойдёт разговор и кто эти люди.

–Мы из милиции,– он буквально на мгновение протянул к моему лицу развёрнутое удостоверение, но я всё же успел разглядеть фамилию Ершов,– хотели бы поговорить с вами. Позвольте пройти вовнутрь?

Он кивнул в сторону ворот здания и все трое неспешно зашагали рядом со мной.

–Это от вас возвращалась белая "Тойота" "н247кв" с молодыми людьми этой ночью?– продолжил Ершов, уже заходя в ворота.

–Не знаю. Может быть,– сухо ответил я, стараясь в предстоящем разговоре контролировать и взвешивать каждое произнесённое мной слово, ибо чрезмерное словоблудие в беседах с представителями органов имеет иногда тенденцию заканчиваться весьма плачевно для болтуна.

–Дело в том, что эта машина попала в аварию, переверну-

лась, двое парней сейчас в реанимации, один с многочисленными переломами, а вот девушка, ехавшая с ними, – умерла. Это произошло недалеко от вашей станицы по пути в Краснодар. Так вот свидетели – их общие знакомые – утверждают, что они возвращались отсюда.

–Вполне может быть. У нас не было возможности следить, какие машины здесь были и когда уезжали.

–А что здесь вообще происходило? Дискотека что ли?

–Нет, просто вечеринка. У меня недавно был день рождения, вот решил пригласить друзей, отметить, – фантазировал я.

–Ага. Таких, что ты и сам их не знаешь. Да? О, и ты здесь, – удивлённо воскликнул Ершов, увидев выходящего из одной из дверей здания Лёшу, – Алексей, если мне память не изменяет?

–Да, – ответил тот. – Здравствуйте.

Это был высокий, под два метра ростом, с кудрявыми, длинными волосами парень. Хоть он и пытался улыбаться, но невооружённым взглядом было заметно, что он почему-то ни ну шутку перепугался, увидев Ершова.

–Так это опять ты здесь дискотеку устраиваешь? – продолжил полицейский.

Двое остальных тем временем рассматривали ещё не убранный до конца после ночного веселья мусор. Поднимали пластиковые бутылки, небольшие стеклянные бутылочки, заглядывали в углы здания и в мусорные мешки.

–Почему "дискотеку"? Просто день рождения отмечали,– как заранее договорившись, ответил Лёша.

–И наркотиками торговали?– издевался Ершов.

–Нет, конечно. Какие наркотики?

–А что пили?

–Вино и пиво. Ну, кофе, чай ещё. И всё.

Ершов шёл чуть-чуть впереди нас, и мы уже находились ближе к концу здания, когда он вдруг обернулся и серьёзно, с угрожающими нотками в голосе спросил:

–А вы знаете, что все, находящиеся в "Тойоте", были в состоянии наркотического опьянения? И что свидетели показали, что наркотики они приобретали именно здесь.

–Ничего никто здесь кроме вина, пива и бутербродов купить не мог,– твёрдо настоял я, но почувствовал, что это заявление Ершова – лишь начало его обвинений.

–Так, что Лёша, это ты что ли опять за старое взялся?– обратился на этот раз Ершов уже к нему.

–Нет, конечно. Здесь на самом деле никаких наркотиков не было,– подтвердил тот.

–Сказки-то мне рассказывать не надо. А-то я не знаю, как оно бывает на подобных мероприятиях. Я вам кучу свидетелей найду, которые подтвердят, что наркоту всякую брали прямо здесь. А коли ты – хозяин, – обратился Ершов ко мне,– отвечать придётся именно тебе. Давай-ка отойдём в сторонку.

Мы вышли из здания вдвоём и остановились около их ав-

томобиля. Он продолжил.

–А дискотека эта ваша с администрацией была согласована, всё официально, налоги все уплачены? А ты в курсе, что тебя ещё могут косвенно обвинить в причастности к смерти этой девушки из "Тойоты"?

От лавины этих необоснованных обвинений, но в то же время настолько правдоподобных для меня, никогда раньше не сталкивающегося с подобными делами, у меня началась полная чехарда в голове. Я стоял как вкопанный и не знал, что сказать. Верить в сказанное им ужасно не хотелось, но я понимал, что если сейчас не решить этот вопрос, последствия для меня и многих близких мне людей могут быть весьма плачевными.

–Ну и что мне делать?– в конце концов, отозвался я.

–Сухари сушить,– моментально, как будто ждал этого вопроса, по-киношному ответил Ершов.– Твои предложения.

–Я не знаю, – не хотел что-либо предлагать я первый.

–А ты подумай. Вы же тут нормально взяли. Сам говоришь: пиво, вино, что там ещё, водочка, небось. Да ещё вход не бесплатный. Короче, Бог завещал – делиться надо, – юродствовал мент, уже не пытаюсь скрыть свою сущность и основную цель визита сюда.– Вот тебе мой телефон. Завтра жду твоего звонка. Не дождусь – приеду сам, но только уже за тобой. И тогда "...по тундре, по железной дороге..."

"Тойота" с неожиданными гостями умчалась туда, откуда приехала, а мерзкий, фальшивящий вокал оперативника

третьего отдела ФСКН города Краснодара капитана Олега Семёновича Ершова ещё долго звучал у меня в голове.

* * *

-Вот, знакомьтесь: Макс, – Игорь указал сначала на меня, а потом на двух пришедших вместе с ним молодых людей, – Лёша, Стас.

Тёплый весенний день ознаменовал роковую для меня встречу с двумя неординарными ребятами. Внешность что одного, что другого даже для разношёрстного, вычурного Краснодара, сочетающего в себе приверженцев всевозможных стилей и направлений, была весьма оригинальна. Лёша был огромного роста, около двух метров, с длинными салеными кудрявыми волосами, причёской а-ля "Лев – царь зверей", старомодном потёртом длиннополом пальто, джинсах и кроссовках белого когда-то цвета. Стас же, наоборот, был ниже среднего роста, с короткими спереди волосами и смешными дредами сзади, в джинсовой куртке с капюшоном от кофты на выпуск, в широких камуфлированных штанах и кедах.

Игорь – мой хороший знакомый с соседнего посёлка, музыкант – работал в "Театре кукол", где и познакомился с Лёшей. Тот пришёл работать туда оформителем, но позже. Кроме работы в театре Лёша увлекался горами, походами, ездой на современном велосипеде, а ещё пару раз устраивал музы-

кальные мероприятия, то есть выступал в качестве промоутера. Они вместе со Стасом арендовали клуб или любое другое помещение в каком-нибудь населённом пункте, приглашали своих знакомых музыкантов и устраивали "сэйшны" с участием молодёжи, которая, естественно, попадала туда за деньги. Рассказав об этом Игорю, Лёша поделился, что подумывает о более глобальном проекте с большим количеством музыкантов и, соответственно, посетителей. Загвоздка только с местом. Игорь предложил познакомить его со мной.

На тот момент у моего отца имелся во владении участок земли площадью восемь гектаров, на котором находилось большое панельное здание. Больше десяти лет назад отец работал в плодово-ягодном акционерном обществе заместителем директора. На очередном собрании акционеров встал вопрос о сохранении за собой поста директора: большинство проголосовало против, директора сняли, а отец из солидарности и нежелания работать с новым начальством уволился тоже. Но к этому времени они с бывшим директором приобрели прямо на территории яблочного сада земельный участок, и в предвкушении баснословных заработков решили заниматься выращиванием грибов-шампиньонов. По всем экономическим выкладкам и в соответствии с бизнес-планом планируемого мероприятия, прибыль должна была выражаться сотнями тысяч долларов ежегодно. Был привлечён заёмный капитал "Сбербанка", завезено дорогостоящее оборудование, приглашены специалисты по выра-

циванию – технологи. И когда уже был даже завезён компост с мицелием, произошло непредвиденное – по какой-то причине прекратилось финансирование со стороны банка, а все имеющиеся средства уже были вложены. Столь бурно расцветающее и многообещающее дело пришлось заморозить. Здание несколько лет стояло без присмотра, земля без ухода.

–Игорь рассказал тебе, что мы примерно планируем?– поинтересовался Стас после непродолжительной отвлечённой беседы, которая происходила неподалеку от тёткиного колледжа.

–Да. Идея интересная, но вряд ли выполнимая,– я не хотел их зря обнадёживать.

–Почему? В чём основная ...а-а-а...сложность?– не хотел и Лёша расставаться с фантазиями по поводу своего проекта.

Когда он говорил и пытался обсуждать серьёзные вопросы, речь его становилась неторопливой, вязкой и сильно сквозила этим продолжительным "а-а-а" почти в каждом предложении.

–Так в двух словах не объяснишь. Это надо смотреть. Во-первых, чтобы навести там порядок, потребуется не меньше полугода. Во-вторых, крыша сильно протекает, на её ремонт уйдёт время, деньги на материалы большие понадобятся. В-третьих, добираться туда, а это сорок километров от города. И кроме этого, основная проблема в том, что само здание находится на территории чужого владения – плодово-ягодного акционерного общества. Надо будет приложить немало

усилий, чтобы с ними договориться по поводу проезда. Короче, заморочек – до фига.

–Но посмотреть-то хоть можно?– не унимался Лёша.

–Да не вопрос. Хоть завтра.

–Ну, вот и отлично,– обрадовались оба, явно не собирающиеся упускать этот шанс.

Я, честно говоря, был уверен, что после того, как они увидят, как на самом деле обстоят дела, желание что-либо затеять у них отпадёт моментально. Но, к моему удивлению, всё произошло совершенно не так.

Мы обменялись номерами телефонов, договорились о завтрашней встрече, с вожделием обсудили всё активнее начинающих обнажаться девушек и разошлись.

А завтра было завтра.

* * *

С тех пор, как затея с развитием грибного хозяйства лопнула мыльным пузырьём, прошла пара лет пока мой родной брат Евгений не начал с друзьями пытаться возделывать на этой земле различные сельхоз культуры. Я в это время только вернулся из армии и жил в Краснодаре на съёмной квартире. Полный сил и энергии после двух лет службы в армии рядовым в автобате жизнь на гражданке, казалось, встречает меня с распростёртыми объятиями. "Вот она я, бери меня, делай со мной, что хочешь,– кричала она мне,– всё в тво-

их руках". Легко заработанные деньги тратились быстро и не задумываясь. Как пожелтевшие листья дождливой осенью опадают после жаркого лета, так и наскучившее веселье, дополняемое внезапно закончившимися деньгами, сменилось закономерным возвращением блудного сына в родные пенаты.

И начались трудовые сельскохозяйственные будни. Земля не терпит предвзятого к себе отношения. Каждый колосок, проросший из зёрнышка, каждый помидорный кустик, рождённый из семени, требует к себе трепетного отношения и должного внимания. Чередование температурных режимов, погодных условий должны в достойной мере компенсироваться трудолюбием и соответствующими знаниями. На земле можно как в сказке вырастить "репку", которой хватит на весь год, а можно как Буратино на "Поле Чудес" в "Стране Дураков" ожидать денег, растущих прямо на "Волшебном Дереве". "Как потопаешь, так и полопаешь" – гласит старая русская пословица, указывая на то, что работай до седьмого пота и будут у тебя полные закрома всего того, чего ни пожелаешь. Вот только современная картина фермерско-крестьянской жизни рисуется совершенно другими кистями и красками. Для процветания в области земледелия мало обладать недюжинным здоровьем и муравьиным трудолюбием. Здесь основную роль играет целый ряд факторов как внешних, так и внутренних.

Вот, например, собрались мы озолотиться на выращива-

нии грунтовых помидоров. Подготовили землю с осени, построили и обтянули плёнкой маленькую теплицу для выгонки рассады, заготовили дрова, топили печь, не спав ночами, наконец-то, высадили рассаду в грунт, поливали, подкармливали, рыхлили, заготовливали колышки, подвязывали, опрыскивали. А тут, вдруг, начались проливные дожди, да такие, что кусты в воде сутками стоят и ничего с этим поделать нельзя. Если бы, наоборот, засуха была, можно было бы напрячься, потратить деньги на шланги, насосы и поливать каждый день. Но когда идёт дождь, тут уж ничего не попишешь, разве что шаманов вызывать, чтобы тучи разгоняли. А переувлажнение сразу ведёт к заболеванию фитофторозом, и урожайность сразу же сокращается раза в 3-4. Хорошо, что хоть получилось окупить затраты на приобретение семян и прочие вспомогательные материала. Вот это внешние факторы.

Бывает переходный вариант, то есть сочетание внешних и внутренних аспектов проблемы одновременно. Это, например, когда уже выращенные помидоры везут на продажу по горной извилистой дороге, а перед этим прошёл дождь. Тут вдруг автомобиль на повороте заносит. Чтобы не столкнуться с идущим навстречу УАЗиком, машина сбивает боковое ограждение и чуть не слетает в пропасть. Автомобиль разбит, время потеряно, продукция теряет первоначальное качество и реализуется по низкой цене. Всё плохо, надо что-то менять. Стало быть, погодные условия в этом примере –

это внешние факторы, а решение поехать в такую погоду и потеря управления автомобилем – это уже внутренние, т.е. человеческие. Ведь можно было всё ещё раз обдумать и отказаться от запланированного рейса ввиду неблагоприятных погодных условий. А что делать, когда один из компаньонов отказывается продолжать работать в таких якобы «нечеловеческих» условиях и требует возврата вложенных им средств? Вот здесь уже налицо чисто внутренне-человеческий фактор.

И таких подводных камней, месторасположение которых очень трудно предугадать неопытным, только начинающим аграриям, невероятное количество. Вроде бы и происходит процесс роста: заработанные деньги идут на приобретение новых средств производства, расходных материалов, оплату наёмных работников и т.д. Но пропорционально доходу увеличиваются и затраты. От этого никуда не денешься. И бывает, кажется, ну всё предвещает благополучное и прибыльное завершение трудового сезона. Радует глаз распускающиеся цветочки на клубнике, и опыляющие их пчёлы весело перелетают с одного цветка на другой. Правильно выращенная рассада помидоров вовремя пересажена в дорогостоящую, покрытую стеклом большую теплицу. Малина дала отличные побеги и теперь её пышный тёмно-зелёный наряд чарует взор и сулит превосходный урожай. Прогноз погоды не предвещает никаких катаклизмов, настрой на работу боевой и хочется горы свернуть, трудишься по 16-18 часов в сутки и

думаешь: "Господи, ну вот он я. Обрати ж на меня свой взор, не дай погибнуть на корню всем моим начинаниям". А оттуда сверху опять такая подача – держи! Если жара, то теплица с помидорами перегревается и приходится регулярно открывать-закрывать плёночные боковины, а крышу запрыскивать из распылителя известковым раствором для сохранения тени. Постоянное пасынкование, подвязывание, полив, опрыскивание, рыхление, сбор помидоров с кустов валят с ног почище марафонских забегов. А под конец оказывается, что концентрация препарата для укрепления иммунитета растения, которым ты уже опрыскал помидоры, была слишком велика и половина саженцев просто погибла. Ужжжжас...

Клубника – очень трудоёмкая культура и её культивация также требует ангельского терпения и атлантской выносливости. Для того, чтобы собрать достойный урожай, её надо 4-5 раз за сезон прополоть (а это зачастую приходится делать под палящим солнцем), 2-3 раза опрыскать от вредителей с добавлением различных удобрений, в засушливое лето бесконечно поливать, что иногда приходилось делать даже по ночам, а потом её ведь надо ещё и собрать, ползая на карачках или стоя в самой эротичной позе "Кама Сутры". Но очень часто бывает так, что пик массового созревания клубники приходится на пик летнего сезона дождей, и большая часть урожая остаётся погнившей умирать на поле. Или, наоборот, все условия для её выращивания настолько оптимальны, что прилавки рынков ломаются от изобилия этой поистине "кро-

вавой" ягоды. Соответственно, бросовые цены на неё еле-еле позволяют компенсировать затраты.

Ну, а что касается малины, то эта культура показала себя наиболее рентабельной и менее трудоёмкой. Правда, и она требует не малой сноровки и выдержки, а также первоначальных капитальных вложений. Шпалерный метод её посадки предполагает установку столбиков через каждые 5-10 метров и натягивание двух рядов проволоки между ними. По осени каждый побег надо подвязать специально нарезанными подвязочками к обоим шпалерам. Так же производится полный комплекс агротехнических мероприятий, схожий с большинством сельскохозяйственных культур, а вот процесс сбора урожая значительно облегчён тем, что находишься в прямостоящем положении, лишь изредка наклоняясь, чтобы сорвать ягодку с самых нижних побегов. Но и при культивировании малины приходится помнить о массе своих нюансов от опадений и "ожогов" ягоды в жару и подгнивание в дождь до банальной нехватки времени или помощников для сбора.

А самое интересное начинается, когда все трудности, казалось бы, уже позади... Урожай выращен и даже собран, но это, оказывается, не конец мучений – теперь ведь его надо превратить в деньги. И тут имеются два варианта. Или отдать оптом прямо с поля, сэкономив на транспортных издержках, избежав лишней траты времени и сил. Или же ехать самому на рынок, оплачивать торговое место, тратиться на дневное питание, терять целый день на розничную торговлю. Прихо-

дится делать выбор, потому что, естественно, хочется получить максимальную прибыль, а разница между ценами в розничной и оптовой торговли составляет в среднем 25-35%. И, к сожалению, осадок от принятого решения зачастую не соответствует ожидаемому результату. Думается, что другой вариант мог бы быть более выигрышным.

Кто-то может спросить: ну, если всё было так плохо, то что же вас там держало и неужели вы не зарабатывали так, чтобы хватало на сытую жизнь? Отвечу. Деньги мы, конечно, зарабатывали, но дорога к мечте, в погоне за которой мы истоптали не одну пару лаптей и износили не одну рубаху, требовала значительно больших вложений, чем мы могли предположить. И имя этой мечте – яблоневый сад.

Все наши усилия на протяжении нескольких лет были направлены на то, чтобы рано или поздно (желательно, конечно же, рано) можно было бы утопать в ароматах яблоневого цвета, восхищаться красотой и вкусом яблоневых плодов и доказать, в конце концов себе и Матушке-природе, что наши усилия были не напрасны. Каждое высаженное мной с братом деревце было как маленький, капризный, непослушный ребёнок, требующий к себе постоянного внимания и заботы. А всё потому, что мы были практически родителями каждого из них.

До того как дерево начинает давать первые плоды, проходит от трёх до пяти лет, а чтобы начинать собирать полноценный урожай, надо ждать семь-восемь лет. И не просто

ждать, а усердно трудиться и жертвовать ради этого практически всем. История появления на свет каждого деревца тяжела и терниста.

Всё начинается с «февральских окон». Тогда и идёт заготовка подвоя для саженцев. Многолетние деревья пускают корневые отростки, которые пробиваются из земли на поверхность. А так как наше земельное владение находилось на территории огромного взрослого яблоневого хозяйства, то размеры площадей, которые надо было обойти в поисках дикого подвоя, неподготовленного человека могли бы испугать. Сапоги, лопата, перчатки, чтобы не сорвать мозоли на руках и вперёд: искать, дёргать, копать с утра до вечера. Потом наступает время рассаживать их в форме стройных рядков в заранее выкопанную траншею через 10-15 сантиметров, присыпая их землёй. И вот всё лето этот дикий подвой укореняется в школке, удобряется, поливается, подкармливается, пропалывается, опрыскивается, то есть холится и лелеется. Осень того же года ознаменовывается превращением дикого не сортового прутика в настоящее культурное растение. А происходит это следующим образом.

Со взрослой плодоносящей яблони, плоды которой нас заинтересовали, срезается здоровый чубучок, то есть веточка. На стволике дикого подвоя делается срез небольшого участка луба размером 2-2,5 сантиметра на высоте 5-10 сантиметров от земли, на который накладывается срезанная с плодового чубучка почка. Прозрачная полиэтиленовая плёнка

предварительно нарезается полосками 1,5 сантиметра шириной и длиной 20-25 сантиметров. Этими плёночными лентами почка наглухо притягивается к подвою путём обматывания. Так он стоит 3-4 недели, после чего полоски снимают. И если весной эта окулированная почка пускает листик, то можно считать, что таинство перерождения практически свершилось. Но не факт. Впереди ещё целое лето и может произойти всё, что угодно. А пока всё также полив, прополка, подкормка, опрыскивание, холение и лелеяние.

Полноценный однолетний саженец толщиной у основания 1,5-2 сантиметра и 1-1,2 метра высотой – это то, ради чего потрачено два года непосильных трудов, угроблена масса сил и энергии, нервов и эмоций. А ведь всего этого можно было избежать, если иметь на кармане по 100-200 рублей на приобретение каждого саженца. И большинство здравомыслящих людей именно так и поступают, когда задаются целью обзавестись собственным садом. У кого нет наличных средств, находят возможность и мужество взять эти деньги в кредит в банке или у бандитов, что в большинстве случаев заканчивается плачевно для заёмщика. Но мы решили, дабы не впадать в долговые обязательства и избежать процентов, пойти по другому пути и выращивали всегда саженцы сами.

Хорошо. Допустим, саженцы готовы, здоровы и пригодны для пересаживания на постоянное место роста. Каждый этап этого кропотливого, трудоёмкого процесса, начиная от разметки и бурения посадочных ям до окончательного утапты-

вания околосаженцевой земли, кажется, приближает к долгожданному результату. Но на самом деле – это ещё только начало. С увеличением площади засаженной участка увеличиваются затраты сил, времени и средств на обработку этой территории. А это всё тот же уже известный комплекс агротехнических мероприятий: подкормка, полив, опрыскивание, выкашивание сорной травы, рыхление, а теперь ещё и обрезка. Большая половина заработанных на малине, клубнике и помидорах средств, идёт на поддержание яблоневого сада, приобретение и усовершенствование средств труда и расходных материалов: трубы, шланги, культиваторы, косилки, опрыскиватели, химические препараты различного назначения. Земля приковала к себе настолько, что даже в межсезонье (конец осени – начало зимы) свободное время появляется только в дождливую или холодную погоду. Во все остальные дни работа в хозяйстве всегда найдётся, поэтому мысль о трудоустройстве куда-либо на постоянное место так и остаётся лишь мыслью. Хотя сейчас понимаешь, что это было просто самообманом и лжеоправданием, нежеланием заставлять себя напрягаться и сдвигать что-то с мёртвой точки.

Все наши взоры были устремлены в радужное будущее, в котором мы видели себя яблочными магнатами. Какое испытываешь наслаждение, самовосхищение и гордость, когда наступает тот долгожданный день, и ты своими руками срываешь тобой же выращенное сочное, спелое, ароматное яб-

лочко. Как будто перед огромным скоплением народа перерезаешь красную ленточку напротив построенного тобой здания или разбиваешь бутылку шампанского о борт только что спущенной на воду яхты. Кажется, вот он, Закон благодатной и щедрой Вселенной начинает вступать в силу и уж теперь ничто не помешает сделать несколько последних рывков и сорвать-таки этот многострадальный куш на финише. Но тут начинает действовать другой закон – Закон Человеческих Взаимоотношений, незнание статей которого не освобождает никого от ответственности.

Считается, что семейный бизнес, а особенно фермерское хозяйство, самая жизнестойкая форма собственности. Но это когда отношения в семье строятся по принципу безоговорочного уважения и взаимопомощи друг другу. А "когда в друзьях согласия нет...", вспоминается из далёкого детства вьёвшаяся строчка басни Крылова, то плоды из райского сада превращаются в "яблоки раздора".

Примерно это и произошло в нашем случае. Отсутствие взаимопонимания между членами нашей семьи на протяжении многих лет тормозило нормальное развитие нашего хозяйства. Разница во мнениях и взглядах по поводу его ведения обнаружилась на самом раннем этапе нашей аграрной эпопеи. Проблема "отцов и детей" во все времена стояла очень остро, и мы тоже в числе многих оказались её жертвами. Взгляды нашего отца в отношении раздела прибыли сильно противоречили нашему видению этой ситуации.

Всё увеличивающиеся расходы и новые затраты не позволяли изымать зарабатываемый капитал из дела, во избежание необратимых последствий. Отец же претендовал на третью часть от заработанных за сезон средств ежегодно, несмотря на то, что фактического участия в работе он не принимал. Зато он был директором и единоправным владельцем всего хозяйства и мотивировал свою позицию необходимостью уплаты налогов, которую он производил именно из этой же доли. Подобный отцовский подход и наше нежелание мириться с таким положением вещей создавало атмосферу постоянного конфликта, а как следствие, понижение морального духа, работоспособности и заинтересованности. Внешне всё выглядело так, будто прилагается максимум усилий и делается всё возможное для превращения мечты в реальность. Но червячок, подгрызающий плодоножку "райского яблока" нашего будущего, делал своё чёрное дело, и уже никакие усилия не могли остановить этот процесс. Наша работа напоминала "мышиную возню", бег на месте: вроде бы что-то и зарабатывали, но к концу сезона, когда подсчитывали остаток, оказывалось, что зимовать не на что. Крытая стеклом теплица не функционировала зимой, потому что в ней не было соответствующего отопления, а сумма на приобретение труб и отопительного котла была непомерно велика для нас. К тому же в один из зимних месяцев, когда снегопад не прекращался в течение нескольких суток, произошло то, что лишило нас одной из статей дохода.

Для того чтобы сохранить стекло целым во время снегопада, мы использовали специально изготовленные “чистилки”, которыми стягивали снег с крыши. Однажды утром, собравшись идти на очередную борьбу со снегом, я выглянул в окно и увидел, что провидение навсегда избавило нас от этой необходимости. Теплица сложилась вовнутрь своими стойками, словно карточный домик, практически всё стекло лежало битое на земле. Огромная масса снега, выпавшая больше, чем за сутки, уничтожила теплицу, а вместе с ней и нашу возможность заниматься в ней чем-либо. Чувство, испытываемое мной, было очень противоречивое. С одной стороны горечь и обида от потери средств, вложенных на её приобретение и остекление, а с другой – освобождение от практически бесприбыльной сферы деятельности. В этом происшествии явно прослеживалось что-то знаковое, ещё раз дающее нам понять о необходимости задуматься над правильностью выбранного нами Пути. По прошествии лет, анализируя все “за” и “против”, начинаешь понимать, что подобных знамений было неимоверное множество. Просто мы слепо отказывались их принимать, а в большинстве случаев не были способны расшифровать очевидное. И в этом, конечно же, целиком и полностью наша вина. Работа вполсилы даёт половинный результат, Вера в пол Веры даёт только отрицательный результат. Ступеньки усилий, из которых мы пытались строить лестницу нашего будущего, оказались побитыми шашелю, негладковыстроганными и заметно поскрипывали.

* * *

Но я благодарю Бога за то, что был, есть и я надеюсь, останется до конца дней в моей жизни человек, который заставляет меня двигаться вперёд, стремиться к развитию и искать новые пути выхода из сложившихся ситуаций.

Обычное на первый взгляд дискотечное знакомство превратилось в нечто такое, что перевернуло всю мою жизнь.

Я встретил её по пути домой, идущей с подружками по обочине дороги. Её статная, высокая фигура, обтянутые лайкрой, не смотря на январь, длинные, стройные ноги и вызывающая, дефилирующая походка заметно выделялись на фоне остальных силуэтов. Позже она рассказывала, что своим видом и поведением намеренно будила животные инстинкты в мужиках, давала им повод поверить в свою легкодоступность, а потом в самый неожиданный момент исчезала, оставляя их голодными, не забывая при этом вильнуть своей сексуальной попкой. Такая вот опасная экстремальная женская игра. Короткие юбки, высокие каблуки, кожаные топы, пышная причёска и обилие косметики создавали скорее образ опытной жрицы любви и жаждущей приключений вертихвостки. Насколько же бывает обманчиво первое впечатление!

В тот вечер мы всего лишь обменялись несколькими, насмешившими нас обоих фразами и разошлись. Наша следу-

ющая встреча произошла утром на автобусной остановке. В одиноко стоящей фигуре я узнал ту же девушку, но её преобразования не позволили мне пройти мимо неё. Простая курточка, джинсы, невысокая обувь и симпатичное, слегка подчёркнутое косметикой лицо. Каждое буднее утро это хрупкое с виду создание просыпалось ни свет – ни заря и отправлялось на нелёгкую работу. Под её чутким руководством трудились, не покладая своих маленьких крылышек, нося цветочную пергу в ульи, пчёлы, так благородно делящиеся с человеком мёдом. Работа ужасно тяжёлая, но и одновременно интересная, позволяющая расслабить напряжённые нервы и сознание. "Я практически медитирую, когда занимаюсь ими", – говорила она потом. Спокойная, рассудительная и довольно интересная при свете дня, она произвела на меня очень приятное впечатление.

– Алёна, – ответила она на мой вопрос. – А тебя?

– А меня – Макс, – ответил я в свою очередь. – А какие у тебя планы на сегодняшний вечер?

Последующие наши встречи стали происходить всё чаще и чаще. Вечерами после работы мы встречались, гуляли по станице, по парку или ехали ко мне на "фазенду" – так местные жители окрестили наше хозяйство. Там мы с братом поочерёдно оставались дежурить по ночам, потому что лишаться нажитого непосильным трудом очень не хотелось. Мои дежурства с её присутствием стали пролетать незаметно и с наслаждением. О такой чуткой, понимающей собеседнице и ве-

ликолепной любовнице нельзя было и мечтать.

Через какое-то время я стал оставаться на ночь у неё дома. Её родители уже привыкли ко мне и стали относиться как к сыну. Алёна была старшей сестрой в семье. Её мама работала санитаркой в сельской больнице. Отец был отличным плотником, но почти все заработанные деньги пропивал, а потом начинал всё тянуть из дома. После окончания школы она хотела поступить в "Школу Модельного Искусства" в Краснодаре. Но за обучение надо было платить, а денег в семье не было. Мама получала копейки, а обе младших сестры ещё учились в школе. Пришлось идти зарабатывать своими руками. Но, к сожалению, слишком маленькая зарплата не позволила скопить ей достаточной для обучения суммы: почти все деньги шли на поддержание семейного бюджета, работа затянула настолько, что о карьере модели пришлось забыть.

Как всегда в начале отношений, во время конфетно-букетного периода люди пытаются максимально понравиться друг другу. Никаких обещаний, никаких обязательств, никто никому ничего не должен, радуются жизнью, наслаждаются чувствами. Пелена страсти затмевает сознание, каждый старается угодить другому, пропуская мимо внимания мелкие разногласия. В наших с ней взаимоотношениях было всё: и взаимопонимание с полуслова, с полувзгляда, и спокойные, пропитанные пресыщенной обыденностью дни, и разъярённые ссоры с взаимными упрёками. Но когда пар был выпущен и отношения выяснены, не радужная перспекти-

ва остаться в одиночестве уже с новыми чувствами толкала нас в объятия друг друга. Взаимное "прости, я был не прав", "нет, я была не права", "мне без тебя свет не мил", "давай не будем больше ссориться" – и новый виток отношений появлялся в спирали нашей совместной жизни.

Алёна оказалась хорошей хозяйкой, сильной, характерной, справедливой личностью, и в то же время нежной, ласковой, ручной кошечкой. И как подобает всем мудрым женщинам мира сего, она никогда не заводила разговор о свадьбе. Но вот однажды настал день и я услышал:

–Милый, мне надо поговорить с тобой,– её ласковый, но слегка взволнованный голос заставил меня повернуться к ней.

"Ах, как же она, чёрт возьми, хороша",– подумал я. Её обнажённое тело с поджатой слегка коленкой и подложенной под голову рукой в тусклом свете ночника отливало бронзой и вожделением. Давно уже утратившая чувство какого-либо стыда, она, к моему огромному наслаждению, обожала разгуливать по дому и спать абсолютно голой.

–Давай поговорим. О чём будем разговаривать?– игриво отозвался я, хотя уже осознавал, что разговор будет на серьёзную тему.

Обычно фраза, с которой она начала, по всем законам жанра предполагает три основных развития: я беременна, давай поженимся или нам лучше расстаться. В принципе, существует и масса других вариантов, но на тот момент, эти

три живо пронеслись в моём мозгу.

–Мне кажется, я "залетела",– наконец ответила она.

"Вот так примитивно и даже немного пошло я узнаю о своей перспективе стать отцом", –подумал я, а вслух спросил:

–Почему ты так думаешь?

"Вот болван, – подумали мы оба,– ничего нелепее не могло ляпнуть".

–Ну, значит есть причина,– завуалировала Алёна.

–И что мы будем делать?– желая сначала узнать её мнение, спросил я.

–Аборта я боюсь, потом могут быть проблемы с беременностью, всё-таки уже 21 год,– её тихий голос и большие глаза, опущенные вниз, взывали к моему пониманию.

Уже из сказанного ею было прекрасно понятно, что она всё решила без меня. Но, всё-таки, контрольный вопрос, чтобы окончательно убедиться:

–Ты хочешь рожать?

–Да.

–Понятно,– протянул я.

Нелепая, затянувшаяся пауза. Она уже стала своеобразным атрибутом многих занимательных фильмов о любви, о жизни. Что можно сказать, когда совсем нет слов, зачем говорить, когда в словах нет смысла. Нескончаемый, стрекочущий, зачастую необдуманый поток фраз свойственен лишь тем, кто использует слово как ширму. А давно доказанная

материальность слова, так же как и мысли, заставляет человека здравого тщательно взвешивать и сортировать каждое из них. Как иногда больно ранит и сколько непоправимых последствий несёт необдуманно брошенное слово. Так же как одно из них может сподвигнуть на революцию массы, так другие могут в мгновение растоптать душу и раздавить самые чистые намерения. "Кто знает – не говорит, кто говорит – не знает", – гласит старая восточная мудрость.

–Почему ты молчишь?– произнесла Алёна через некоторое время.

–Просто. Думаю,– неопределённо ответил я, мысленно представляя плюсы и минусы отцовства. А о чём ещё думать, когда не знаешь, что это такое, пока не прочувствовал на себе всю неопишумость ощущений, связанных с появлением ребёнка.

–Я тебя ни к чему не обявываю. Поступай, как хочешь. Я могу и сама справиться, мама поможет, так что...

–Да подожди ты. Я же ничего ещё не сказал,– я нежно поглаживал её по бархатному плечу, чувствуя, как её начинает понемножку трясти. Глупенькая, неужели она всерьёз думает, что я могу перечеркнуть всё то, что между нами было и позволить ей воспитывать нашего ребёнка... А точно ли?... Да, не-е-ет. Как я могу в ней сомневаться? Вот неприятное ощущение. Стереотипность мужской подозрительности в отношении женской верности оказалась не чуждой и мне. Но всё же желание верить, отсутствие внешних поводов

и, главное, внутреннее чутьё подсказывали мне, что основной для тревожных, не подкреплённых ничем подозрений не должно быть. И кто нас вечно тянет за язык?

—А это точно... ну.., мой?— не удержался я.

—Не поняла,— она присела на кровати.

Её красивая обнажённая грудь плавно задвигалась в такт её учатившемуся дыханию. Локоны светлых волос небрежно струились по узким плечам. И без того большие глаза округлились в негодовании, и, казалось, сейчас из них либо блеснут молнии, либо польют дожди. Бедняжка, она не на шутку разволновалась. И почему нам иногда бывает так приятно помучить тех, кого мы любим?

—Ты что, сомневаешься? Хочешь уйти — так и скажи, я неволить не буду, но оскорблять себя не позволю,— выпалила моя тигрица.

Умничка, вот он достойный и мудрый ответ! Ну, как её можно не уважать и не ценить после этого. Любая другая дурочка стала бы оправдываться, убеждать в том, что это, конечно же, твой ребёнок, и не факт, что смогла бы уничтожить сомнения. Но такой способ действий, который использовала она, не оставлял повода для подозрений или, по крайней мере, заставлял по-другому взглянуть на ситуацию.

С обиженным видом она переползла через меня. Промелькнувшая мимо моих глаз её грудь и с ума сводящий аромат её трепещущего тела вновь пробудили моё желание и я, не удержавшись, игриво шлёпнул её по шелковистой попке.

Не обращая на меня внимания, она накинула халат и вышла из спальни. Мы были в доме её родителей, на часах 0:40.

"Ничего, успокойся, – думал я, – придёт, и мы поговорим. Неужели я стану папой. Новость, конечно, неожиданная, но завораживающая. Мы ещё только чуть больше года вместе и ещё даже ни разу не сказали друг другу "люблю", а вот плод нашей любви уже ютится под её сердцем. А где мы будем жить? Здесь – варианта нет: две младшие сестры, родители, в общем, спокойной жизни не будет. У нас дома всё ещё печальнее: ни места, ни условий, ни отношений. На "фазенде" – точно нет: там жить просто негде, надо думать о каком-то своём жилье. Ну, ничего, трудностями нас не возьмёшь, они только укрепляют. Что-нибудь придумаем".

Мои размышления о предстоящем будущем прервала открывающаяся дверь. С опухшими от слёз глазами вошла Алёна. Скинув халат, она юркнула под одеяло, отвернувшись от меня.

– Давай спать, завтра рано на работу, – не обращая внимания на мои поцелуи в шею, произнесла она.

Серьёзно обиделась. Раньше она никогда не замечала позднего времени и готова была болтать всю ночь напролёт. "Хорошо, что хоть ты у меня такая болтунья, а то представляешь, если бы и ты молчала столько же, сколько и я", – говорил я ей неоднократно. У неё была способность находить любую тему для разговора, казалось, даже не интересную для меня, и втягивать в беседу. Болтушка от природы или, ско-

рее, от усердной, кропотливой работы над собой, она очень нуждалась в общении. Как я благодарен ей за это и за всё остальное! Все наши ссоры и недомолвки в моменты "притирки" отношений мы стали обсуждать во время отсроченного разговора, когда страсти улягутся и пыл остынет. Позже поводов для выяснения отношений становилось всё меньше и меньше. Нежелание конфликтовать и спорить, тратя драгоценные нервы, обоюдно реализовывалось в простой формуле: "В семейных отношениях побеждает компромисс". Умение уступить и не поддаваться временами появляющемуся желанию поскандалить стало основой нашей совместной жизни. Никто не идеален, у каждого свои недостатки и лишь осознавая это, можно спасти любые союзы. У всех бывает плохое настроение, трудные дни и даже срывы. Но только понимание и поддержка твоей второй половинкой способны удержать от крушения корабль отношений в шторме жизненных неурядиц.

А в тот вечер непонимание этой простой истины чуть не лишило меня возможности смело называться счастливым человеком. Нежелание смириться сиюминутно с поставленным передо мной фактом предстоящего отцовства и со всеми вытекающими из этого последствиями разлучило нас на несколько дней. Вернее сказать, в душе я практически мгновенно принял решение, но внешне надел маску задумчивости и непроницаемости.

—Я должен подумать. Давай попробуем какое-то время не

видеться, – прощаясь утром, так и не обсудив ничего, садистски предложил я. Представляю, что творилось в тот момент в душе Алёны, но облик смиренной покорности не выдал и тени бушующих в ней эмоций.

– Как хочешь. Тебе решать, – было её ответом.

Чтобы не броситься к ней, стиснуть в объятия и прошептать: "Малышка, ты же знаешь, я всё равно вернусь", я поюношески чмокнул её в щёку, развернулся и ушёл.

– У нас с Алёной будет ребёнок, – сообщил я своим родителям радостную новость, существенно опасаясь их реакции.

Их мнение для меня хоть и было важным, но, конечно, по сути, уже ничего не меняло. Просто вопросы жилья и материальной обеспеченности ни у неё, ни у меня не были решены.

– Ой, Максим, я так рада. Это я опять стану бабушкой, – обрадовалась за нас мама.

Дело в том, что у моего брата Жени уже есть дочка, появившаяся на свет, когда ему было всего семнадцать лет. Но она сейчас живёт на севере со своей мамой, где мы все жили раньше, и они давно уже не виделись.

– Это хорошо, – поддержал маму отец, – только не спешите расписываться. В жизни всякое бывает.

Два дня, проведённые в разлуке с Алёной, после того как наши встречи стали ежедневными, окончательно убедили меня, что без неё я оставаться не хочу. Я не находил себе

места, мысли никак не могли вернуться в обычный водоворот дневных событий. Через день я надел белую рубашку, белые джинсы, светлые туфли, вымыл машину и поехал к ней. Не случайно выбранный мной белый цвет казался мне очень символичным – почти то же, что белый флаг. Я очень переживал, а вдруг она сейчас пойдёт на принцип и не захочет соглашаться принимать меня после моего ухода. К счастью, она оказалась выше своих обид! В этот день мы впервые признались друг другу в любви. И это были не просто слова, это было больше, чем клятва. С тех пор наши отношения и весь образ жизни перешли на качественно новый уровень.

Ожидание предстоящего таинства заставляло нас более чутко и нежно относиться друг к другу и к тому чувству, которое в нас развивалось. Я работал на "фазенде", она работала на пасеке, на выходных приезжая ко мне и помогая нам с нашими заботами. Более участливого и трудолюбивого человека мне встречать не приходилось. Она не позволяла себе лишней минуты отдыха, всегда находила, чем заняться, могла работать больше, чем кто-либо другой. Но и, конечно, справедливо возмущалась, видя чьё-либо нежелание заставлять себя напрягаться и чувствуя безалаберное, халатное отношение к своему делу.

А в один прекрасный день на свет появилось чудное создание – девочка, которую мы назвали (ладно, я назвал) Алиса. И начались бессонные ночи для моей Алёны: пелён-

ки, распашонки, кормление, купание и постоянный детский плач. Всё также продолжающиеся попеременно суточные дежурства на "фазенде" не позволяли мне каждую ночь проводить со своей семьёй. Прелестный розовый кричащий комочек, который мы забрали из роддома, хоть и доставлял немало хлопот, но всё равно бесконечно согревал и радовал сердце. Чувство гордости подхлестывало чувство ответственности. Желание обеспечить себе и родным достойное существование заставляло "впахиваться" в два раза больше обычного. Необходимость решения жилищного вопроса подстегнуло решение построить прямо на "фазенде" небольшой, но уютный домик. И когда Алиске уже было чуть больше года, мы перебрались втроём туда. Площади и удобств вполне хватало, чтобы без особой роскоши и излишеств, но зато в уюте и любви, без чьего-либо вмешательства, поддерживать огонь совместной семейной жизни.

Практически с самого переезда, не смотря на то, что наш земельный участок находился на расстоянии трёх километров от самой станицы, желающих побывать у нас в гостях было "хоть отбавляй". Затерянный среди яблоневого сада маленький рай, тихий островок вдали от цивилизации, он так и манил к себе всех жаждущих сбегать от суеты мирской и слиться с природой. Даже друзья, оставшиеся в городе, время от времени приезжали на выходные, чтобы помочь в работе, отдохнуть, сходить на рыбалку. Все, хотелось бы верить, по-хорошему завидовали нашей семейной идиллии и

восхищались неподдельной теплотой и чувственностью связывающих нас отношений. Несмотря на то, что материальный достаток почти всегда оставлял желать лучшего, любому гостю всегда был накрыт стол, налит чай и, при необходимости, постелена мягкая кровать.

Годы шли. В трудах и заботах мы только укрепляли нашу любовь назло всем невздам и перипетиям суровой действительности. Алиска росла и каждый день радовала нас чем-то новым. Первые неуверенные шаги, слова, самое первое и внятно произнесённое из которых было почему-то не "мама", а "папа". Радость и бесконечное доверие, проистекающее из её наивных, голубых глазок, умиляли до глубины души. Жизнь вдали от цивилизации не позволяла нам обеспечить ей постоянное общение с другими детками. Она не знала ни яслей, ни детского сада. Когда Алиске был год, у неё появилась двоюродная сестричка. Средняя сестра Алёны – Наталья – родила девочку, которую назвали Полина. У тёти моей Алёны было трое маленьких дочек, но расстояние и отсутствие возможности регулярно возить Алиску к ним заставляли постоянно размышлять о перемене места жительства.

И вот три года, которые мы прожили в саду практически словно "дикари в лесу", а также стремление улучшить наши жилищные условия толкнули меня на поиск свежих решений.

Но кроме этого была и другая, даже более веская причи-

на, заставившая нас призадуматься о смене обстановки: Господь посчитал, что одного ребёнка нам мало и посоветовал подготовиться к встрече с новым членом нашей молодой семьи. Не все понимали и одобряли наш выбор, ведь для большинства людей жильё и достаток – основной критерий при принятии такого решения.

Да! Ни того, ни другого у нас не было, но было кое-что намного весомее: наша любовь и твёрдая уверенность в том, что мы непременно всего добьёмся. Ещё до процедуры УЗИ я не сомневался, что у Алиски будет братик, а не сестричка. И первое, и последующее обследование подтвердили моё предположение. Итак, мы ожидали появление сына!

Приобретать дом в станице нам, конечно же, было не по силам, поэтому я искал жильё, которое сдавалось бы в аренду. Кто бы мог подумать, что это окажется такой проблемой! Запредельные цены в одних случаях или абсолютное отсутствие удобств в других не позволяли поискам сдвинуться с мёртвой точки. Но, как известно, "кто ищет, тот всегда найдёт". Уже практически отчаявшись подыскать что-то достойное, из случайного разговора с приятелем узнаю, что его бабушка готова сдать в аренду двухкомнатный дом с водяным отоплением. Владельцы этого дома переезжают в только что построенный большой кирпичный дом, а этот небольшой саманный остаётся без хозяев. Этот вариант оказался лучшим из возможных и уж тем более лучше того, что сулило нам проживание на "фазенде". С хозяйкой был подписан "Дого-

вор Аренды" на год, а в счёт оплаты перед заездом мной был сделан ремонт в этом же доме и в летней кухне. Мы полностью прошпаклевали и покрасили стены, отремонтировали кухню, заменили старые, проржавевшие трубы на современные металлопластиковые, построили летний душ и туалет. Хоть вложения были и значительными для нас, радовало то, что жить нам предстояло в уюте, комфорте, теплоте и уже можно было не задумываться о ежемесячной оплате. Летняя кухня, беседка с виноградником, значительный участок земли под посадку сельхоз культур – всё это было в нашем распоряжении.

Алёна по мере возможности с моей помощью занималась домашней пасекой. Алиска росла, играя с соседскими детишками. Я работал, стал больше общаться с людьми, серьёзно увлёкся чтением книг по психологии, философии, саморазвитию. Казалось, новая волна столь перспективных изменений (внешних и внутренних) понесла наш корабль жизни к берегу благополучия и процветания. Хозяйка не могла нарадоваться новоявленными квартирантами, а наши с Алёной отношения не оставляли равнодушными никого из окружающих.

Женская мудрость и невероятная чуткость моей благоверной уберегали её от ненужных и бесполезных эмоциональных всплесков по какому бы то ни было поводу. Способность к дипломатии и сведению “на нет” почти любой конфликтной ситуации всегда восхищали меня. В отличие от боль-

шинства станичных супружеских пар, систематически ссорящихся и ругающихся, наш дуэт был отменно сыгранным и струны наших душ почти всегда были настроены в тональность друг друга. Алёна без труда находила общий язык с любым из моих приятелей и зачастую становилась неотъемлемым участником даже чисто мужской компании. Многих людей это удивляло и даже шокировало, потому что отношение жён к друзьям своих мужей обычно проявлялось весьма ревностно и негативно. Я несказанно ценил её понимание и доброту. Солнышко моё, свет и смысл дней моих – как всё-таки повезло мне, что судьба свела наши жизни и превратила в один бесконечный Путь.

И всё же подсознательное нежелание обременять себя узамы брака долгое время удерживало меня от предложения ей "руки и сердца". Но за несколько месяцев до рождения второго ребёнка я официально попросил её стать моей женой и она (сам не представляю, чем я это заслужил), не долго думая, согласилась. Мы стали мужем и женой. Её животик потихоньку округлялся, грудь наливалась, приобретая очень аппетитные формы. Вторая беременность придала ей особую сексуальность, которую я не так остро ощущал при вынашивании Алиски. Без сомнения, особые флюиды исходят от женщины, с которой вы ожидаете ваше общее чадо. Невидимые пути чувственности и страсти чарующе обволакивали наши сердца. Теплота и нежность, проникающие друг в друга, заставляли обоих томиться в минуты вынужденной

разлуки и с тысячекратным воодушевлением позволяли наслаждаться временем, проведённым наедине. О более хозяйственной, заботливой, чистоплотной и нежной супруге нельзя было и мечтать.

Промчались почти пять лет со дня появления на свет Алисы, когда у нас родился сын – Денис. Алена была ещё в роддоме, а я с друзьями из города и со станицы нажарили шашлыков и под виноградником нашего съёмного дома отмечали это знаменательнейшее для всех нас событие. Денча, как называла его Алёна, в младенчестве, сравнивая по фотографиям, был точной копией Алисы. Со временем эта разница стала усиливаться, и проявление неповторимости характера сказывалось в его поведении. Хотя это было второе наше дитя, я называл жену "мать-героиня", глядя на её самоотверженные подвиги, связанные с уходом и воспитанием, ведь на ней были ещё и все домашние заботы и хлопоты. Не скромничая скажу, что гордилась и она мной, ведь моя отцовская любовь к нашим малышам и желание достойно соответствовать возложенной на меня миссии главы семейства, заставляли меня неуклонно двигаться вперёд.

Чтобы хоть как-то заставить "раскошегариться" машину денежных поступлений и материальных благ, я настойчиво и кропотливо подыскивал возможности для дополнительного заработка, которые можно было бы совмещать с работой на "fazende". Несколько месяцев было потрачено впустую и как обычно это и бывает, уже почти потеряв надежду, я

устроился в одну из Краснодарских школ. До начала осенних занятий там шёл ремонт, и постоянно были нужны рабочие руки. Зарплата, конечно, учитывая отсутствие опыта и необходимых навыков, была невелика, но я успокаивал себя тем, что это только начало – Рим тоже не за один день строился.

Поддержка и одобрение моей Алёнушкой всех моих усилий наполняли меня всё большим трудолюбием и активностью. Ответственность перед нашим общим будущим стала основным кредо и движущей силой моего всё более окрыляемого сознания. Окончание ремонтных работ в школе, связанное с началом учебного сезона, позволило нам с братом приступить к ремонту дома нашей тётки – Елены Петровны. Помимо этой работы мы умудрялись не упускать предложенные нам "шабашки" на других объектах, а так же нельзя было забывать про уход за подрастающим садом на "fazende". Кроме этого тётка Лена официально устроила меня работать к себе в колледж. Помимо постоянной заработной платы, в официальном трудоустройстве меня особо привлекал один немаловажный факт.

Отсутствие собственного места жительства заставляло задуматься о поиске крупной заёмной денежной суммы. Решение этого вопроса представлялось мне в виде ипотечного кредита. Но для того, чтобы его получить, необходимо было предоставить справку о доходах с постоянного места работы в течение последних шести месяцев. Благодаря краевой губернаторской программе "Молодой семье – доступ-

ное жильё" часть кредита в размере примерно двухсот тысяч рублей погашалась после того, как дом будет приобретён. Ещё часть займа должна была быть компенсирована за счёт средств районного бюджета, также обещающего помощь в приобретении жилья молодым семьям. Действие этих программ распространялось на супружеские пары, любому из членов которой ещё не исполнилось тридцати лет. Мне оставался один год до тридцатилетия, время поджимало, поэтому упускать такой шанс очень не хотелось. Ипотека реально казалась мне решением нашего жилищного вопроса.

Летом подходил срок, когда уже можно было бы подавать документы на рассмотрение возможности предоставления кредита. объездив не один десяток банков и ипотечных учреждений, я уже выбрал место, где условия и требования при предоставлении ипотеки являлись наиболее оптимальными. В среднем процентная ставка на срок до пяти лет разнилась от 17,5% до 19,5%. Большое значение, конечно, имел и мой уровень официального дохода – это основной момент, которым руководствуются кредитные организации при рассмотрении заявлений. К тому же надежда на помощь государства вселяла оптимизм и уверенность в правильности принятого решения. Позже я поблагодарил Судьбу, что она уберегла меня от этого опрометчивого шага. Слишком много примеров финансовой кабалы, связанных с вопросом погашения какого-либо вида кредитов, регулярно обсуждались в СМИ и в быту: перспектива стать жертвой или дойной

коровой для одной из ипотечных компаний меня на тот момент мало прельщала и даже слегка пугала.

К тому же, через время появился ещё и этот роковой для меня объект на Юбилейном микрорайоне – квартира тёти Любы, – который слишком много перевернул с ног на голову в моей жизни. Колледж, "фазенда", тётя Лена, "шабашки", опять "фазенда", колледж, Юбилейный, тётя Лена, "шабашки" – жизнь завертела настолько, что на дом и отдых времени совершенно не оставалось. Но за два месяца до объекта на Юбилейном состоялось мероприятие под названием "БОМЖ-Party".

* * *

-Всё, приехали. Вот оно, – я указал Стасу и Лёше на здание, выключил магнитофон и мы вышли из машины. – Сейчас, только ключ возьму.

Как мы и договорились, я дождался их утром возле колледжа, и мы поехали осматривать наше здание – потенциальное место для проведения грандиозной музыкально-развлекательной акции. Обойдя стопку сложенных кирпичей, я наклонился и из тайника, известного только нам с братом, достал "очень хитрый" ключ. Не знакомым с подобной конструкцией замков довольно сложно, даже имея ключ в руках, открыть этот третьей степени защиты врезной замок, вмонтированный в железную дверь ворот здания.

Брата поблизости не было, он работал где-то в саду. После нашего с Алёной переезда в станицу, туда перебрался Женя, а я, как он раньше, приезжал по утрам, а уезжал назад вечером, если не находился в городе на работе.

Заваленный вовнутрь каркас теплицы с искривлёнными стойками и то тут, то там поблёскивающими кусками стёкол грустно напоминал о былой огуречно-помидорной эпохее. Напротив здания метрах в двадцати от остатков теплицы тянулись школки однолетних яблоневых саженцев, готовящихся к высадке. Проходя мимо них, попадаешь на клубничное поле, отжившее свой вегетативный срок, но не перепаханное, потому что на нём уже росли молодые персиковые деревья. За клубнично-персиковой посадкой расположился предмет нашей особой гордости – стройный, ухоженный, радующий своей молодой зеленью, малинник. Лёша со Стасом тем временем, выйдя из машины, оглядывали всё находящееся вокруг.

– Это что, тоже ваши деревья? – Стас указал рукой на взрослые, раскинувшиеся слева от дороги яблони.

– Нет. Это совхозные, им уже лет по двадцать. Наши ещё молодые. Они там, за зданием.

Натянув на себя ключ, я открыл замок, и дверь со скрипом отворилась, впуская вовнутрь молодых организаторов. Справа от ворот, прилегая одной стороной к зданию, стоял построенный нами дом. Не успевшее ещё высоко подняться утреннее солнце слабо освещало внутренний интерьер зда-

ния. По правой стороне располагались одно за другим трое ворот, размером чуть меньше, чем входные. За каждым из них находились помещения 12 метров в длину и 4,5 метра в ширину, предусмотренные для производственных целей планируемого ранее грибного хозяйства. Сейчас же они выполняли функции складских помещений. Только центральное из них я использовал под личную "комнату отдыха": по центру стоял импровизированный теннисный стол из выкрашенного листа ДСП, у левой стены находились магнитофон, несколько колонок и старенькая барабанная установка. Её я приобрёл несколько лет назад, горящий желанием найти наконец-то хоть кого-то владеющего ударным искусством. Чтобы купить её, пришлось ехать за сто километров по направлению к Азовскому морю к бывшему барабанщику нашего сельского ДК. Установка, разобранный и запылённый, отбыла свой срок в старом гараже и уже несколько лет на ней никто не играл.

Дело в том, что в 16 лет, познакомившись в институте с одним интереснейшим человеком, давшим мне первые уроки игры на гитаре, я не расставался с идеей участия в музыкальной группе. Рок-музыка была для меня основной отдушиной и источником вдохновения. Хотя время, когда я до боли в пальцах мог не выпускать гитару из рук, ушло далеко вспять, мы всё-таки с такими же любителями, как и я, иногда собирались вместе и пытались поиграть что-нибудь коллективно. Как это обычно бывает, у большинства гита-

ристов со временем накапливается свой творческий материал, основанный на персональных музыкальных пристрастиях. И когда дело доходит до совместного творчества, а явное лидерство не установлено, то очень тяжело ожидать каких-то конкретных результатов. Каждый стремится предложить своё видение музыкальной направленности, свои песни, своё творчество. И если гитаристов – хоть соло, хоть ритм, хоть бас – имелось в достатке, то найти барабанщика оказалось делом весьма не простым. Был знакомый, несколько раз приезжавший из города, но, не имея возможностей и личного транспорта, особо не наездишься. Ещё один жил в соседней станице километрах в 15 от нас – тоже не ближний свет, к тому же семья, дети, работа. Поэтому иногда приходилось даже самому усаживаться за установку и корявенько поддерживать ритм, показанный кем-либо из них. Увлекающее занятие – скажу я вам, затягивает настолько, что забываешь обо всём на свете!

–О, так у тебя ещё и барабаны свои есть,– заглянув в центральный "бункер", удивился Лёша.– А кто играет?

–Да кто хочет, тот и играет. В основном, уже никто. Пытались одно время, но что-то как-то не пошло. Колхоз – он и есть колхоз.

Центральная площадь здания была заставлена разнообразным хламом: обрезки досок, куски металла, стопки и кучи целых и битых стёкол, деревообрабатывающий станок, мешки с зерном, накрытые плёнкой, и огромное количе-

ство ящичков с бутылками, напоминающие старые кефирные с крышками из фольги. В них когда-то была жидкость, предназначенная для производственного процесса по выращиванию грибов, но сейчас половина из них была разбита, и лишь в некоторых виднелись остатки жидкости. В левом дальнем от входа углу здания был второй заезд, оснащённый такими же воротами, как те, через которые мы вошли, только без маленькой дополнительной двери. А ворота направо вели во второе большое помещение, которое было заставлено специальными металлическими контейнерами, также предназначенного для функционирования мифического грибного производства.

Не спеша осматривая всё находящееся вокруг, я рассказывал Лёше со Стасом о том, что здесь планировалось и то, чем мы здесь сейчас занимаемся. Обычно, зрелище, представляющее взору всех входящих сюда, производит весьма отгаликивающее впечатление. Но только не тех, кто смотрит творчески и видит перспективу наперёд. Каково же было всё-таки моё удивление, когда, выйдя через несколько минут из здания, я услышал от Лёши:

–Ну, что. В принципе, можно попробовать.

Основная причина, по которой я не ожидал услышать подобное, заключалась в том, что неоднократные предложения использовать пустующие площади ни к чему не приводили. Предложений поступала масса: от деревообрабатывающего или мебельного производства до рихтовочной мастерской

или скотофермы. Но каждый раз, когда осмотр был закончен, интерес у потенциального арендатора или пропал сразу, или откладывался на не определённый срок. Сказывалось множество факторов, главным из которых являлось большое расстояние до города, а также нежелание безрассудно рисковать вложением капитала или просто отсутствие такового.

–Вы хоть осознаёте, сколько всего здесь надо будет сделать?– спросил я.– Я, например, боюсь даже представить, сколько сил и времени придётся потратить. Нам втроем здесь за пол года не справиться.

–А мы не втроем. За это не переживай, помощников мы найдём,– Стас, как и Лёша, не хотел упускать этот вариант. Меня приятно удивляла и радовала такая их целеустремлённость, а кроме этого возможность причаститься к чему-то грандиозному и музыкальному интриговала меня всё больше.

–Хорошо. Но вы помните про протекающую крышу, про то, что надо будет договориться с дирекцией "совхоза"?– не давал им особо очаровываться я, а вдруг отступят.

–Договариваться, конечно, придётся тебе самому, а с крышей, я думаю, мы тоже справимся. Главное – начать. А для этого нужно твоё окончательное согласие – и можно приступать.

Казалось, с каждой моей попыткой найти причину для отказа, они всё сильнее укреплялись в своём желании.

–Ладно,– сдался я, ещё окончательно не веря в исход это-

го мероприятия.— Я готов попробовать. Только имейте ввиду — у меня не будет много времени, чтобы помогать в подготовке.

—Всё нормально. На днях мы приедем с пацанами и будем уже вместе смотреть, что делать.

Ещё раз осмотрев внутреннее пространство здания и сделав первые примерные наброски, мы ударили по рукам, и я отвёз их на остановку "маршрутки".

И действительно, через пару дней они приехали с тремя пацанами уже на машине Стаса. Потихоньку раскачавшись, приступили к уборке. Сделать предстояло очень многое. Начали с того, что стали выносить «железяки» и складывать их в метрах десяти от обратной стороны здания. Работать особо никто не умел и не хотел, поэтому дело шло довольно вяло. Постоянные приколы, отвлекающие от дела, и несвоевременные перекуры ещё сильнее замедляли процесс. Худо-бедно к середине дня от железок, разбросанных по всему зданию, освободились. Заниматься этим пришлось и мне тоже, хотя работы в саду было больше, чем предостаточно. Просто видя такое бесшабашное и несерьёзное отношение прибывшей молодёжи к происходящему, не хотелось оставлять их одних.

Так называемая неформальная молодёжь, представителями которой кишели задворки Краснодара, отличается тем, что располагает большим количеством свободного времени и абсолютным отсутствием желания что-либо делать. К их

числу относились и эти ребята, приехавшие с Лёшей и Стасом. Им было объяснено, что в благодарность за помощь у них будет возможность бесплатно присутствовать на предстоящей вечеринке. Не зная ещё этих ребят в достаточной мере, лично принуждать их к работе я не считал допустимым. А Лёша со Стасом, наоборот, из-за дружеских с ними отношений подталкивать не старались.

–Таким макаром мы точно до "китайской пасхи" не управимся,– съязвил я, когда Лёша в очередной раз присаживался на перекур.– Надо хотя бы примерно определиться с датами, на которые будем ориентироваться. Как на счёт моего дня рождения? Как раз и повод будет, если вдруг у кого-то возникнут вопросы.

–А когда он у тебя?– спросил Лёша, протягивая мне сигарету.

–Я не курю. Забыл?– отрицательно покачал я головой в ответ.– А "днюха" через месяц уже.

–Вот за этот месяц и надо уложиться.

–Тогда надо посерьёзнее браться, а то хлопцы что-то совсем на "расслабоне". Так "делов" не будет,– не успокаивался я и указал на оставшийся хлам,– тут мы такими темпами за пару недель, скажем, справимся. Крыша – вот это самое главное. Если её не сделать, а пойдёт дождь – это хана: промокнут все и всё.

Эта крыша вот уже сколько лет не давала нам возможности полноценно использовать внутреннее пространство зда-

ния. Когда-то она была застелена шифером, но во время вандального мародёрства в те годы, пока здесь никого не было, снимали и его. Через щели между плитами перекрытия, а сами эти плиты и являлись непосредственной крышей здания, во время дождя и таяния снега вода ровными рядками сочилась на цементный пол. А по мере усиления осадков лужи начинали растекаться повсюду и уже из-за грязи, приносимой с улицы, пол в здании давно превратился в сплошной земляной настил.

Поэтому я хотел "убить двух зайцев" одновременно: и не позволить промокнуть людям в случае дождя, и оставить непротекающую крышу на будущее. Для капитального ремонта понадобилось бы несколько десятков тысяч рублей, на что мы никак рассчитывать не могли. Но можно было обойтись и более скромными вложениями. На протяжении всех стыков плит перекрытия следовало наложить полосами цементный раствор, шириной сантиметров 10-12, а после его полного высыхания прокрасить растопленным гудроном или гидроизоляционной мастикой. Эту идею я предложил своим новым партнёрам, и им не оставалось ничего кроме как согласиться с моей минималистской технологией.

—А сколько понадобится цемента и этого гудрона?— поинтересовался Стас. Финансовый аспект этого вопроса был особенно важен и своевременен.

—Цемент и песка понадобится не один мешок, да и гудрона или смолы не одно ведро. Плюс ещё солярка для раз-

жизнения. Трудно сказать, во что всё это обойдётся, но я думаю, несколько тысяч понадобится,— призадумавшись, ответил я.— У меня, кстати, осталась пара мешков цемента и ведро мастики. Для начала хватит, а потом надо будет ещё покупать.

—А у тебя есть возможность всё это купить? Просто нам ... а-а-а... сейчас тоже предстоят значительные затраты,— когда Лёша заводил разговор о деньгах, он становился особенно серьёзным и из-за этого появлялось характерное ему "а-а-аканье".

—Ну, если уж мы решили "заморочиться", то придется и тратиться. Деваться некуда, отступать поздно,— я поднялся с контейнера, на котором сидел и указал на стопки битых стёкол, стоящих возле колонны по центру здания.— Время ещё есть. Надо хотя бы начать их выносить. А то я завтра уезжаю в город, и меня три дня не будет.

К вечеру все разъехались, а мне пришлось опять возвращаться к нашим земельным хлопотам.

Через три дня, когда приехали "городские", состав помощников обновился. Мне помогли мои приятели со станции, также желающие попасть на мероприятие, какого здесь ещё не видывали.

—У нас хорошая новость,— радостно делился со мной Стас.— Мы заказали в типографии цветные "флаеры". Дали им эскиз, примерный список выступающих. Должно получиться неплохо. А знаешь, как всё это будет называться?

–Как?

–"БОМЖ-PARTY",– торжественно произнёс Лёша.– Надо будет сделать соответствующее оформление, не плохо было бы использовать костюмацию, может быть конкурс на лучший "прикид" устроить. Фаер-шоу даже будет.

–А не слишком ли это как бы, ...ну... грубо или вульгарно что ли? Почему именно "БОМЖ-PARTY"?– недоуменно поинтересовался я.

–То, что надо. Отличное название для подобной "тусы". Это чтобы, если кому-то не понравится, можно было сразу возразить: "А чего вы ждали? Это ведь "БОМЖ-PARTY"!"

"В принципе, они правы,– подумал я.– Чтобы не задирать высоко планку ответственности и значимости самого мероприятия, а при необходимости оправдаться названием. Да и само сочетание слов прикольное – "БОМЖ-PARTY". Да, название – лучше не придумаешь".

–А что за группы приедут? Кто вообще будет?– не терпелось узнать мне.

–Ещё окончательный список не составлен, чуть позже будет понятно. Будет помимо рок-музыкантов ещё и танцпол с ди-джеями, и суперсвет, и суперзвук. В общем, всё будет отлично,– глаза у обоих горели. Казалось, они идут к осуществлению своей давней мечты.– Ещё заказали большой плакат с логотипом нашего творческого объединения "Сан. Ра. Неадыкват"

–Ого. Круто. А что это такое?

–Трудно объяснить. Это видеть надо. В общем, внутри стилизованного солнца будет эта надпись. Тебе понравится.

–Я не сомневаюсь. Ладно. А работать-то сегодня будем?

–Конечно. Сейчас переоденемся и начнём.

Пацаны внизу выносили стёкла и ящики с бутылками, а я со своими помощниками полез на крышу, заделывать стыки цементом. Чтобы облегчить себе работу, нашел верёвку, которую перекинул через ролик, прикреплённый к железной трубе, и как заправские высотники на "майне-вира" стали поднимать вёдра с песком, водой и цементом. Раствор делали в ванночке наверху и, взяв вдвоём по мастерку, приступили к работе. За день было сделано столько, что если бы делать такое же количество каждый день, то еле-еле успели бы ко дню рождения. А ещё их надо было потом промазывать мастикой. Но каждый день работать возможности, конечно, не было: колледж, "шабашки", сад – всё это отнимало почти всё время. Из-за этого дома почти не появлялся, очень мало времени оставалось, чтобы побыть с семьёй.

Детки росли: Алисе было уже 6 лет, Денису пол года и, конечно же, они постоянно нуждались в моём присутствии. Как радовалась дочка каждый раз, когда я возвращался домой. Она бежала ко мне на встречу с радостным возгласом "Папа приехал", раскидывала в стороны руки, чтобы я подхватил её, и бросалась ко мне, обвив своими нежными, детскими ручками мою шею. Это искреннее, неподдельное проявление её дочерней, чистой и светлой любви заставляло

необыкновенно радоваться и гордиться меня тем, что этот маленький человечек так обогатил и насытил нашу жизнь. Глядя в такие минуты в её ясные, смеющиеся глаза и на лучезарную улыбку, я забывал и сразу прощал ей все её капризы, несносное поведение, хлопоты и нервы, связанные с её воспитанием. Раннее проявление своенравного характера уже неоднократно давало о себе знать. Но в то же время она оставалась очень стеснительной, робкой, иногда несобранной и слегка замкнутой малышкой.

Я всегда с интересом и некоторой опаской наблюдал, как она играла со своими новыми и более старшими подружками. Иногда приходилось пресекать их развязное и потребительское отношение к своей дочурке. Если я видел, что её поведение в чём-то неверно, и другие действия в данной ситуации помогли бы ей лучше проявить себя в отношениях с подружками, то я пытался объяснить и посоветовать ей, как можно было поступить и что делать в следующий раз. Очень хотелось избавить её от ненужных переживаний и потрясений, не пускать на самотёк её первый опыт взаимоотношений с окружающим миром. Несомненно, я был строг с ней, иногда даже чрезмерно, но это не мешало мне ясно ощущать в её чувствах к себе не только страх перед наказанием, но и доверие с глубоким, неподдельным уважением и любовью.

И естественно, природой обусловленная тяга дочерей к отцам, а сыновей к матерям нашла отражение и в нашей молодой семье. Полугодовалый Денис, впрочем, как и все груд-

ные дети, не под каким предлогом не хотел оставаться без своей мамочки. Он охотно шёл на руки ко многим родственникам, но только если мама была неподалёку. Было ощущение, что его младенческая привязанность не ограничивается только лишь физиологическими потребностями. Желание видеть её всё время рядом больше походило на страсть любовника, томящегося от сердечных чувств к своей возлюбленной. Было очень интересно наблюдать за его первыми достижениями и сравнивать их с Алискиными. В чём-то он уступал, а в чём-то очень даже опережал. Но это и немудрено: развитие девочек, начиная с грудного возраста, сильно отличается от развития мальчиков в отношении моторики, речи, внимательности, сообразительности.

С грустью осознавая, что я слишком мало времени провожу с ними и не уделяю достаточного внимания, я успокаивал себя тем, что делаю это всё ради нас всех и когда-нибудь обязательно появится возможность компенсировать своё постоянное отсутствие совместным отдыхом, поездками в места развлечений и просто более тесным, частым общением. Заботы, связанные с уходом и воспитанием детей, Алёна стойко и самоотверженно взвалила на свои хрупкие, изящные плечи. Без сомнения, ей очень хотелось, чтобы мы больше времени проводили вместе, и я тоже вносил свой вклад в воспитание детей. Этого безумно хотелось и мне, но бешеный ритм жизни, выбранный мной, не позволял особо расслабиться. Ведь спешившись с коня посреди быстрой реки,

ты можешь не удержаться рядом с ним и рискуешь быть смыт течением бурных вод. Также и преждевременная остановка в погоне за счастьем может значительно отбросить назад или и вовсе "убрать с трассы".

* * *

Работа на "фазенде" по подготовке к "Бомж-Party" шла полным ходом. Хоть и не каждый день, но пацаны приезжали со своими помощниками, иногда даже оставались на ночь прямо в "бункере", где находился теннисный стол. Весенние ночи ещё особо не радовали теплом, поэтому чтобы согреться им приходилось топить импровизированные печки – двухсотлитровые бочки, с вырезанными внизу отверстиями для поддува. Дым от этих бочек стелился по потолку, опускаясь со временем всё ниже и ниже. Под утро, если дрова не догорали до пепла или не тухли, дышать было нечем. Спасало только то, что на левой и передней стене здания имелись огромные не заделанные ничем окна, в которые проникал свежий, но с трудом доходящий до внутренних "бункера", воздух.

Бывало, что по три-четыре дня не появлялись ни они, ни я со своими станичниками. А это ещё сильнее смещало назначенную дату мероприятия. Но как бы то ни было, примерно через месяц значительная часть из того, что намечалось, уже была сделана.

Во-первых, было очищено от всего хлама большое центральное помещение здания. Часть металлолома была сдана, а часть сложена не далеко от здания. Битые стёкла скинули в выкопанные вдоль лесополосы траншеи и прикрыли сброшенным с крыши битым шифером. Мешки с зерном перенесли в третий "бункер", который во время вечеринки предполагался быть закрытым. Практически пятисантиметровый слой грязи с цементного пола также был вынесен на носилках за пределы здания.

Во-вторых, дизайнерское оформление этого помещения, предназначенного для танцпола, требовало творческого подхода и значительных финансовых затрат. У Стаса была возможность иногда пользоваться автомобилем с кузовом "ГАЗель", который он брал на работе у своего отца. Приехав на рубероидный завод на окраине Краснодара и беспрепятственно миновав пропускной пункт, мы троём загрузили четыре покрышки диаметром два метра и шестьдесят сантиметров в высоту каждое. Такого размера колёс я в своей жизни ещё никогда не встречал. Они были предназначены для основы ди-джейской сцены. На уложенные квадратом покрышки постелили деревянный помост, а сверху, с помощью фортуны и сварки, из имеющихся в достатке железных контейнеров, сконструировали диджейский пульт. Получилось весьма грубо, примитивно, но зато очень оригинально и вызывающе – именно то, чего и добивались.

По бокам этого помоста выстроили колонны из метал-

локонструкций, которые хаотично обтянули разноцветными флуоресцентными нитями. На стенах были развешаны большие разноцветные картины, также светящиеся под действием ультрафиолета. Там, где их не было, полёт своей творческой фантазии запечатлели на стенах специально прибывшие для этого молодые художники-графитчики. Картины в виде абстрактных узоров, нелепых человеческих форм, смешных животных, оригинально исполненных надписей, очень вычурно и к месту смотрелись на голых панельных стенах.

На противоположной от ди-джейской сцены стороне также были воздвигнуты две симметричные металлоконструкции в виде колонн с такими же крест-накрест переплетёнными светящимися змейками. В дальнем левом углу здания примостился стеллаж с артефактами авангардного искусства. Трёхэтажная минигалерея то тут, то там пестрела разукрашенными старыми виниловыми дисками. Старомодные, давно вышедшие из эксплуатации проигрыватели, составляли пластинкам логичный альянс. Статуэтки различных африканских божеств и шаманов в разноцветных нарядах были, видимо, застигнуты во время совершения ими ритуальных обрядов. Деревянные, пластмассовые и металлические маски где-то злобно, а где-то изумлённо тарасились своими пустыми глазницами на всё происходящее вокруг. Особое место на всей экспозиции занимали старые полуразобранные куклы, измазанные жидким гудроном, выте-

кающим из глаз, струящимся по волосам и телу подобно чёрной крови или нефти. Как будто вышедшая из фильмов ужасов, торчала пугающая голова, надетая на руку одной из кукол.

Так называемое "фаер-шоу", заявленное в пригласительных билетах, было представлено в виде расставленных вдоль окон бочек с ожидаемыми своего часа-огня дровами, сложенными вовнутрь и рядом с самими бочками.

Третьим, не менее значительным и затратным моментом, явилось электро- и светооформление. Я понатягивал на длину всего здания магистральные ветви из крепкой проволоки. Мой знакомый электрик со знанием дела обеспечил нам толковый и экономичный способ подключения. Проложив по полу, вдоль натянутой над головой проволоки, сетевые провода, мы через каждые четыре-пять метров последовательно вмонтировали в них ультрафиолетовые лампы. Потом с помощью стремянки, пассатижей и прихваток закрепили всю эту конструкцию наверху. Несколько прожекторных ламп было развешено по сторонам и углам здания. Чуть позже появилось настоящее профессиональное световое оборудование в виде всеразличных стробоскопов, лазеров и лучевых пушек.

Ещё одно из отделений здания, площадью около двухсот квадратных метров, было отведено под то, что на современном языке принято называть "чилл-аут" – зона отдыха соединённая с баром. На стенах за барной стойкой, также строго

выдержанной в стиле "Бомж-Ni-Tech" (перевернутые железные контейнеры с обрезанными ножками и накрытые листами плоского шифера), красовались шедевры альтернативной живописи. Натянутые на деревянные каркасы простыни обреченно смирились с изображением гранёных стаканов, бутылок со струящейся из них жидкостью, сосисок с кетчупом, наколотых на вилки и тому подобным. Пол был выстлан кусками плоского шифера. Посреди зала водрузили импровизированный стол с огромной тракторной покрывшей в качестве основания, деревянный щит размером два на два метра, укрепленный сверху, служил столешницей. Всё те же двухсотлитровые железные бочки с дровами (всего по зданию их насчитывалось около десяти штук) и оригинально выполненными вырезами в форме зубов, оскалившись, дожидались приезда гостей.

Нашлось здесь даже место для стоящего ранее в "бункере" теннисного стола. Его разместили с левой стороны под лучами пятисотваттной лампы, которая очень причудливо была задрапирована узорами из колец проволоки и слегка затенена зелёным прозрачным пластиком. Свет от неё струился мягкими, интимными волнами, что придавало особую атмосферу домашнего уюта и раскрепощённости. Ведь помимо мини-бара и тенниса, эта часть интерьера была предназначена ещё и для отдыха. А для этого было сделано следующее: съездив на городскую свалку (всё-таки "Бомж-Party"), мы насобирали самые лучшие и относительно целые дива-

ны где-то с ножками, где-то без них, плотно обтянули и закрепили степлером заранее приобретённую полиэтиленовую плёнку и заставили ими практически всё пустующее пространство зоны отдыха. Получилось довольно не плохо, если исходить из того, что имелось в наличии и что в конечном итоге удалось создать. Главное, всё соответствовало изначально задуманному антуражу и концепции под девизом "Бомж-Party". Осколочные явления непосредственности и хаоса должны были кого-то смутить, кого-то повеселить, но главное не должны были оставить равнодушными и заставить скучать кого-либо из попавших сюда.

Оставалось дело за удовлетворением пространственно-зрелищных потребностей рок-тусовки. Здесь было всё немного проще. Из центрального "бункера", являющегося ранее игровой для нас, а позже штаб-квартирой и ночлежкой для городских организаторов, вынесли всё, находящееся там: барабаны, аппаратуру, инструменты, прочий хлам, сваленный вдоль торцовой стенки. Приведя пол в порядок (а для этого пришлось вынести не менее десятка вёдер с землёй), я приступил к монтажу сцены для выступления. Дело в том, что уровень пола в "бункере" был почти на метр ниже основного уровня пола всего здания. Чтобы туда спускаться, стояли временные ступеньки из наспех установленных железных поддонов. Такой способ проникновения в предполагаемый зал для выступления рок-исполнителей был, естественно, недопустимым. На смену старой узкой лесенке бы-

ла сделана широкая, прочная, с тремя ступенями, стянутая деревянными досками капитальная лестница, в основе которой были всё те же железные поддоны.

Чтобы не тратить время на дополнительный строительный материал, изначально планировалось оставить сцену прямо внизу так, чтобы и зрители, и исполнители находились почти на одном уровне. Эта мысль мне долго не давала покоя, и уже буквально за пару дней до мероприятия крепкая деревянная сцена была смонтирована мной, установлена и торжественно возвышалась на уровне практически метра от пола. На неё также вела лестница, идентичная той, что позволяла спуститься на уровень пола в "бункере". Всё это было сделано самостоятельно, в отсутствие ребят из города и приятно удивило их, когда они наконец-то появились.

—Ни фига себе! Здорово получилось. Когда это ты успел?— одобрили они, попрыгав, проверяя прочность конструкции,— так-то, конечно, гораздо лучше.

—Дело мастера боится,— не без скромности отозвался я.— А вот с крышей у нас до сих пор не закончено. Надо бы поднапрячься всем вместе, залезть наверх и промазать оставшиеся стыки.

—Сейчас этим и займёмся. Не волнуйся. За сегодня-завтра справимся?— поинтересовался Лёша, явно не предрасположенный к такому виду работы, но, увы, уже не имеющий выбора.

—Если сразу начнём и не будем халявить, то должны

успеть.

Переодевшись, все приступили к работе. Примерно за неделю до этого моя мастика была потрачена, и пацанам не оставалось ничего, кроме как приобрести новое пятнадцатилитровое ведро смолы. К сожалению, они не имели представления, что именно надо было покупать и привезли гидроизоляционный состав совсем не той вязкости, которым было удобно работать. Процесс усложнялся тем, что эту смолу надо было растапливать на земле, а точнее, на одной из печек, которую мы когда-то использовали в теплице. Постоянно нужны были дрова, тот, кто следил бы за огнём и поочерёдно прогрел бы вёдра с этой слишком густой мастикой. После этого нагретое ведро поднималось на верёвке на крышу и, чтобы замедлить застывание, смола разбавлялась соляркой. Надев брезентовые рукавицы, чтобы не ошпарить руки, специальными железными баночками с желобками проливали зацементированные стыки, а после этого размазывали их кистями. В те дни, когда мы занимались цементированием стыков на крыше, не редко шли дожди и, чтобы работа не оказалась напрасной, приходилось каждый раз цементный шов накрывать полоской полиэтиленовой плёнки, придавливая её по бокам кирпичами.

Как я и предполагал, работа по подготовке к мероприятию была сущим наказанием и вымотала всех ещё задолго до её завершения. А поскольку дата была уже назначена, приходилось спешить, чтобы уложиться в установленные нами

же сроки. Дождливое окончание весны могло серьёзно подпортить картину и омрачить веселье. А стало быть, обезопасить внутреннее помещение здания от проникновения возможных струй воды было нашим священным долгом.

Как это часто бывает, работа идёт вяло и неторопливо, когда кажется что времени предостаточно. Зато, когда сроки начинают поджимать, оказывается, что сделать ещё надо довольно много, и приходится, сломя голову, хвататься за что попало. Про работу в саду на эти полтора месяца мне почти пришлось забыть. Брату это, конечно же, не нравилось, но он – тоже большой любитель рок-музыки, понимал, как для меня важно довести начатое дело до конца и особо не возмущался. Алёна с пониманием и терпением относилась к моему постоянному отсутствию и даже помогала и одобряла, что бы я ни делал. Видя, как горят мои глаза в предвкушении чего нового и связанного непосредственно с моим творческим вкладом, она (и видит Бог, я ей за это бесконечно признателен), на протяжении всей нашей совместной жизни героически и смиренно сопровождала меня во всех моих начинаниях.

Отец был поставлен в курс затеваемого мероприятия, но о масштабах акции он и предположить не мог: так, вечеринка с заехавшими в гости музыкантами. А на самом деле "пиар" и "промоушн" предстоящего "Бомж-Party" активно проводились среди городской молодёжи.

Слухи распространялись быстро, и даже малознакомые

мне люди интересовались у меня же в городе, не собираюсь ли я пойти на "какое-то там "Бомж-Party". Естественно, они немало удивлялись, когда в ответ на это я вручал им "флаеры" с анонсом предстоящей тусовки. А выглядел "флаер" действительно впечатляюще: стандартный размер 8 * 14 сантиметров; твердая глянцевая полноцветная бумага; с одной стороны изображение четырех уникальных персонажей, как нельзя лучше подпадающих под определение «бомж»; солнце со словосочетанием "Сан.Ра.Неадыкват" внутри самого солнца; стилизованные вензели "Бомж-Party". На другой стороне был напечатан список участников рок-сцены и танцпола, место сбора, время отправления, но заведомо отсутствовал пункт назначения, чтобы не было соблазна добираться туда своим ходом. Восемьсот "флаеров" – уже одно это говорит о размахе предстоящей "деревенской движухи". Раздачу "флаеров" взяли на себя Лёша со Стасом. Они обошли несколько учебных заведений, несколько увеселительных, не обделили вниманием улицу Красную, ну и, конечно, разношёрстная молодёжная тусовка Краснодара – начиная от полунищих панков до весьма обеспеченных мажоров – была щедро одарена прямоугольными кусками пёстрой бумаги. Около пятидесяти штук были вручены мной лично моим знакомым и знакомым моих знакомых. Понятно, что раздать столько пригласительных и ожидать появления такого же количества людей – вещи абсолютно несовместимые. Но как бы то ни было, три автобуса были заказаны, и наличие

"флаера" при посадке давало право на двадцатипроцентную скидку при оплате за присутствие на самой вечеринке.

Помимо затрат на изготовление пригласительных и аренду автобусов, было куплено более ста литров красного и белого вина Таманского винзавдоа, пиво, кофе, а также ингредиенты для бутербродов: сосиски, кетчуп, майонез, зелень, капуста и одноразовая посуда. Был даже приглашен профессиональный бармен – мулат по имени Антонио из популярного Краснодарского бара. Не нужно забывать также о затратах, связанных с приобретением расходных строительных материалов, таких как смола, цемент и песок для крыши, провода и проволока, масса различных саморезов, розеток и всяких мелочей. Отдельная статья расходов – это, конечно же, аренда свето- и звукооборудования. Профессиональная аппаратура мощностью полтора киловатта (больше не было необходимости) была привезена утром в день мероприятия, свет установили заранее.

* * *

И вот – этот день настал.

31 марта 2010 года. Станица Ново...ая . День "Бомж-Party".

Кубань хоть статистически и не является зоной рискованного земледелия, но погода здесь настолько переменчива, что доверять метеопрогнозам дело абсолютно благодар-

ное и бессмысленное. Всю зиму может быть плюсовая температура или идти дождь, зато на майские праздники ударят морозы, и погибает урожай раннего картофеля, земляники, ранние плодовые деревья теряют свои завязи.

В этот день была по-весеннему тёплая погода, но опыт прошлых лет подсказывал, что дождь может пойти внезапно, практически из ниоткуда, нагнав дождевые облака. Слава Богу, с ремонтом крыши было покончено и за сухость в помещении можно было не переживать. И даже вопрос с охраной порядка был решён. У одного из студентов, учащегося в колледже Елены Петровны, были знакомые охранники, которые неоднократно отвечали за порядок на подобных мероприятиях: работали на Байк-шоу в Тамани, в Краснодаре, на других крупных и мелких фестивалях. Именно их в количестве четырёх человек я пригласил выполнять знакомую им миссию, приняв участие в нашей вечеринке. Кроме них, два хороших знакомых моего брата, живущие в станице и довольно крепкого телосложения, также не были против покрасоваться в камуфляжной форме, создавая грозный вид и имитацию постоянного контроля, а в случае чего даже успокоить особо буйных и агрессивно настроенных элементов. С руководством совхоза, на территории которого находилось наше владение, тоже было всё улажено и получено разрешение на проезд автобусов через их шлагбаум.

Утром, начиная с девяти часов, стали съезжаться первые музыканты: кто-то с гитарами, кто-то с сумками через пле-

что, кто-то с рюкзаками, наполненными газировкой и лёгкой провизией. Всем было очень любопытно, куда же это они попали и не спеша осматривали все достопримечательности. Добирались они до станицы из города на маршрутках, а потом сюда два оставшихся километра шли пешком.

Указав дозволенные границы их перемещения, я продолжал заниматься последними подготовительными мероприятиями. Поэтому времени знакомиться с каждым из них не было. Дел было ещё предостаточно, к тому же Лёша со Стасом, привезя с утра барабанную установку, уехали и не возвращались больше вплоть до десяти часов вечера. Справляться со всем приходилось одному: доработать барную стойку, повесить дополнительный страховочный прожектор в "бункер" с рок-сценой, навести окончательный порядок, где была необходимость, дообтягивать диваны в "чилл-ауте" плёнкой, приготовить дрова для бочек и масса других неотложных мелочей.

Барабанщик одной из групп сразу выдвинул условие: надо поднимать помост для барабанной установки выше уровня основной сцены. Пришлось вместе с ним заниматься ещё и этим. В итоге через час барабаны были подняты на помост на высоту тридцати сантиметров от сцены. Но когда другой барабанщик узнал, что его согруппники не удосужились захватить с собой его барабанную педаль, у него случилась настоящая истерика. "Как это так? Я на другой педали играть не смогу! Везите мне мою, мать вашу...!" – и всё в этом роде. На

самом деле от чувствительности барабанной педали зависит очень многое, особенно, если играешь быстрые и сложные композиции. Но об этом я узнал значительно позже, когда довелось на собственном опыте вдоволь насладиться барабанным искусством. А тогда его поведение представлялось мне предрассудками, самодурством и капризами чистой воды.

Двое из участников одного из музыкальных коллективов несли пивные кеги. Предположив, что это Лёша со Стасом позаботились о приобретении пива, я сказал несущим, чтобы они несли его в дальнее помещение с баром. Оказалось, что это пустые кеги, и выполняют они роль своеобразного ударного музыкального инструмента и место им не в баре, а на сцене.

Через час я увидел крепкого светловолосого парня в шотландской юбке и с трудом узнал в нём одного из тех, кто нёс кегу. Дело в том, что помимо смены наряда, произошла и значительная перемена в его внешнем облике и поведении. Резкие и уверенные движения сменились вялыми, нерасторопными и неестественно замедленными. Он ходил из стороны в сторону, покачивался взад-вперёд и смотрел на всех безумными бычьими глазами, не произнося ни слова. В конце-концов, он, измождённый и неменяемый под действием какой-то наркоты, уселся на бревно не далеко от здания. Согнув ноги в коленях, он сложил на них руки и уронил свою безжизненную голову. Эксклюзивность этой картины допол-

нялась тем, что под его килтом не было нижнего белья и его мужское достоинство было выставлено напоказ проходящим мимо, смеющимся над ним парням и девушкам. Позже всё-таки кто-то из друзей уволок его и уложил загорать на травку.

Время шло, народ прибывал. В основном, это были музыканты и те, кого они пригласили с собой в качестве фанатов и группы поддержки. Приехал мой хороший друг Андрей из Краснодара, и нам вдвоём стало гораздо сподручнее и веселее справляться с устранением оставшихся недоработок. Приехал Стас на своей легковушке с одной единственной целью – привёз педаль для задиристого и требовательного барабанщика, глянул, как идут дела, прыгнул в машину и снова уехал. Я был с ним постоянно на связи и знал, что у них в городе появились какие-то сложности с автобусами. Вроде как один из трёх водителей в последний день отказался ехать, и приходилось оперативно решать этот вопрос. Прибыли несколько студентов из колледжа, за которыми мне пришлось ехать на остановку в станицу. Один из них, Никита, как раз отвечал за присутствие охраны на нашей тусовке: вроде бы всё срасталось, и к вечеру они должны были подъехать. Молодежь, пригретая лучами весеннего солнца, устраивала себе экскурсии по саду. То тут, то там на зелёной травке или под деревьями виднелись группки брэнно скучающих адептов музыки.

Звуковое оборудование для танцпола было привезено и

подключено в предыдущий день. Ближе к вечеру, когда солнце уже начало прятать свои лучи за горизонт, Игорь, который познакомил меня с Лёшей и Стасом, привёз из "Театра кукол" музыкальное оснащение для рок-сцены. К сожалению, качество аппаратуры оставляло желать лучшего и значительно уступал той аппаратуре, что была арендована для ди-джейской танцевальной музыки. Две абсолютно новые широкополосные колонки по 500 Вт вчера были вытащены из упаковки и проверены на мощность и качество звучания. Звук был чистый и чёткий, даже несмотря на голые стены панельного здания. Напротив пульта между двумя светящимися колоннами укрепили саб-вуфер тоже на полкиловатта. Громкость, накрученная в полсилы, заставляла содрогаться стены, пол и потолок, а звучание музыки было слышно даже возле шлагбаума за триста метров от здания.

В суете и хлопотах я не заметил, как прошёл день. Позволил Стас и сказал, что первый автобус готовится к отправке. Это значило, что через час они будут уже здесь. Ди-джеи, те, что прибыли раньше, проверяли свой материал, «живые» музыканты отстраивали звук и подготавливались к выступлению. Большинство из них были уже "навеселе", видимо, с помощью того, что было захвачено с собой. Но я дал себе твёрдое слово не употреблять сегодня ничего, что могло бы помешать моему трезвому и здравому восприятию происходящего. И без труда выполнил своё обещание: ни глотка пива или вина, только лишь кофе поддерживал меня на протя-

жении всего мероприятия.

Фары проехавшего под шлагбаумом автомобиля, подрагивая, разрезали темноту влажного вечернего воздуха. Это был Стас, сопровождающий первый автобус с гостями, указывающий дорогу и приехавший посмотреть, как обстоят дела.

– Да, вроде, пока всё нормально, никаких эксцессов. Музыканты готовятся, – ответил я. – А как там у вас дела?

– Уже лучше. Правда, пришлось заказывать новый автобус в другом автопарке. Не понял... – Стас кивнул в сторону шлагбаума. – Почему он стоит!?

Автобус, подъехавший к шлагбауму, стоял уже более минуты на перекрёстке. Видимо, водитель не знал, что делать дальше. Пришлось ехать и показывать остаток пути.

И вот первая партия жаждущей развлечений молодёжи ступила на нашу землю. Порядка восьмидесяти человек десантировались в нашу тихую некогда гавань, и сразу всё наполнилось оживлённым шумом эмоций и гулом обсуждений. Первым делом большинству из них надо было сходить "отлить". Трудно сказать, какое впечатление произвело на них всё окружающее, но в темноте, под действием алкоголя или наркотиков невозможно ощутить всю прелесть и неповторимость затворнической атмосферы, царившей здесь ранее. Как бы то ни было, манящие ритмы вырывались из-за стен здания, и замороженные поклонники танцевальной музыки, а также рок-фанаты потянулись туда, откуда исходили эти

пьянящие их сознание звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.